Момент филологического счастья

Журнал филологического факультета
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

ноябрь 2014

Главный редактор
Анна Петрянина

Заместители главного редактора
Юлия Асташкина, Любовь Грязева

Корректор
Алёна Олькова

Дизайн, вёрстка
Алёна Олькова

Редакция выражает благодарность
декану филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Ручиной Людмиле Ивановне,
заведующей кафедрой современного русского языка и общего языкознания
Рацибурской Ларисе Викторовне
и заместителю декана по воспитательной работе
Шавлюк Ольге Юрьевне
за содействие и помощь в создании журнала.

ННГУ им. Н.И. Лобачевского
филологический факультет
2014

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие друзья! Перед вами шестой номер «МФС», для редакции же он второй, и мы радуемся ему не меньше, чем первому. Не знаю, как вам, а нам почему-то кажется, что цифра два – особенная. Главное, чтобы всё получилось и сложилось именно первые два раза, потом должно быть легче. Цифра два – это обещание, развитие, но филологам не пристало пускаться в долгие рассуждения о цифрах, поэтому оставим их. Гораздо приятнее сообщить о том, что журнал вошёл в нашу с вами филологическую жизнь и занял в ней уютное местечко. А потому хочется поблагодарить всех тех, кто интересовался нашей редакторской деятельностью, оставлял отзывы, показывал «МФС» друзьям с других факультетов и ждал очередной номер.

Итак, что же мы для вас приготовили? Шестой номер изобилует поэзией, которую создают наши студенты. Говорить о таком явлении в целом нелегко, хотя бы потому, что тексты в номере представлены самые разнообразные – от классических по форме до текстов в той или иной степени свободных от формальных признаков стиха, подчёркнуто филологичных, требующих от читателя определенного уровня эрудиции. Именно этой нехитрой схеме – от привычной многим стройной классики до верлибров – соответствует расположение авторов и их текстов в номере, и оно ни в коем случае не свидетельствует о предпочтениях редакции: то есть первый автор не самый «хороший», а последний, соответственно, не самый «плохой». Мы уверены, что все наши поэты найдут своих читателей. Кстати, вот что любопытно: формального единства текстов нет (и это нормально), но на уровне тем и образов прочитывается некое сходство. Мы не объявляли творческую часть журнала тематической и никак не ограничивали авторов, но, в очередной раз перечитав все собранные тексты, заметили, что во многих из них встречаются, например, образы из детства. Так ли это на самом деле, предлагаем вам проверить самим, уважаемые читатели.

Надеемся, что рубрики, введённые в «МФС» не так давно, тоже состоялись и многих заинтересовали. В шестом номере вашему вниманию снова будут представлены занятные интервью – на этот раз поговорим с Е.В. Мариновой о тревожных и обнадёживающих тенденциях в русском языке, а также о будущих просветительских проектах, в которых, кстати, все желающие смогут принять участие. Кроме того, почитаем переводы стихов и прозаических текстов (переводы со славянских языков, выполненные ко Дню славянской письменности), творчество представителей старшего поколения и – финальная мажорная нотка – остроумные импровизации и жемчужины мудрости от наших преподавателей. В рубрику «Интервью» мы внесли новшество: редакция «МФС» расширяет горизонты, и теперь мы общаемся не только с преподавателями, но и с известными выпускниками филологического факультета. В этом номере целых две знаменитости расскажут о своих судьбах, достижениях и планах. Может быть, это и станет, наконец, косвенным ответом на знакомые до боли вопросы: «Кто такой филолог?» и «Кем вы потом будете?». Мы уверены: хороший филолог способен на многое.

И наконец, напоминаем нашим читателям, что узнать о журнале чуть больше, в том числе раскрыть секрет названия (легенда гласит, что название журналу подарил, сам того не подозревая, Л.Ю. Большухин), поделиться идеями и просто высказать то, что лежит на сердце, можно в нашей группе «Момент филологического счастья» В Контакте по адресу: https://vk.com/club58203895. Там же можно почитать выпуски альманаха «Слова», издававшегося на факультете с 2003 по 2006 гг. Я же от лица дружной редакции желаю всем долгого и ничем не омрачённого филологического счастья!

Главный редактор «МФС»
Аня Петрянина

КИРИЛЛ ПАЛИК

То, что я пишу, пожалуй, нельзя назвать стихами в строгом смысле. Это скорее песни. Свои тексты я кладу на музыку, которую сам же и сочиняю. На сегодняшний момент в моей творческой копилке около двадцати песен. Их я исполняю на студенческих фестивалях или в кругу друзей. Многие из них посвящены моей любимой жене.

Первая моя песня была записана еще в детстве: я сочинил на своем родном языке (гагаузском) стихотворение «Апата», что в переводе означает «Маме», а мой отец написал к нему музыку, с тех пор я и начал заниматься творчеством. Сочиняю тексты я только на двух языках - на гагаузском и на русском, хотя знаю английский, турецкий и румынский. Думаю, что русский язык очень поэтичен... Больше всех люблю Есенина и Высоцкого.

ПОДРАЖАНИЕ ШЕВЧУКУ

Переливами звонкими,
Холостыми раскатами
Я бегу днями скользкими
По дороге с заплатами.
Бесконечными тикают
И куют все пластмассово.
В виртуальную тыкают
Да всё пялятся массово.

Мне под дверью постелено,
Ночь снует тенью-скукою.
Никотином навеяно –
Алкоголем укутаю.
Эти мысли корявые
Бьют по самому темени.
Листья падают ржавые
Без семьи да без племени.

Как-то так поле вспахано,
Где-то там свет погашенный.
Даль ветрами заляпана,
Без очков все закрашено.
Я оденусь в приличное,
Небо будет свидетелем,
И спою что-то личное
Черно-белым писателям.

Я приду белым днем за тобой, за мечтой.
Знаю, ждешь у окна, взглядом ищешь мой шаг.
Мы пойдем, и, надеюсь, возьмет нас с собой
Синий ветер в больших красно-белых штанах.

ВЫСОКО ВНИЗУ

В этот дымный день
Пахнет облаком,
И скатилась тень,
Вся расколота.

Да пьяна земля
В безысходности,
И кричат ветра:
«Боже, нас прости!»

И стоят дома,
Снегом вымыты,
И деревья все
Гладко выбриты.

Ночью плачет дождь
Черной краскою,
Расстается ложь
С новой маскою.

Правды нет в сердцах:
Всё – монетами.
Вся в бинтах земля,
В ямах с лентами.

Я стою, кричу.
«Все изменится!» –
Высоко поют.
Нет, не верится.

***

Мы дети солнечной любови.
Мы инь и янь, мы дважды два.
Мы целого две равных доли.
Чистейшая в воде вода.

Мы две звезды меж тусклых точек.
Мы две березы в тьме лесов.
Мы два пера белее прочих,
Мы ДНК нежнейших слов.

Мы музыка, мы песня света.
Мы луч тепла в холодный день.
Мы стих влюбленного поэта.
Мы друг у друга плоть и тень!

АННА РОДИОНОВА

Победитель конкурса стихов среди первокурсников.

КОНТРАСТ

На небе – белой пеленою
Рябые райские поля.
Спиной – к земле, и всё пустое
Теперь отходит от тебя.

Удар осы о лист рябины
Приятней, чем бокалов звон.
Нет бед былых и половины –
Здесь стёрло время сонм имён.

Всё тише листьев разговоры,
Земля всё дальше. Воздух нем,
Как безмятежные просторы
Души, покинувшей свой плен.

Дух не привязан рабски к телу,
А тело не неволит ум.
Молчишь. Сознанье опьянело
Без постоянной ноши дум.

Но будет утро. Вспыхнет бездна,
И сердце застучит, скорбя,
Ты вспомнишь всё. Ярмом железным
Реальность рухнет на тебя.

И будет солнце печь и злиться,
Земля – пылить, а ветер – дуть,
И будут карнавалом лица
Носиться и змеиться путь.

Прибой людских бессчетных песен
Перекричит вопль автострад.
И скажешь, стоя в пыльной взвеси:
«О жизнь, как я люблю твой ад!»

ПЕРФЕКЦИОНИСТУ

Привычка несчастных – искать идеала,
Порой не щадя живота своего.
Хорошего, жаль, получается мало,
Плохого – чуть больше, а в цель – ничего.

Желать сделать лучше. Не в гордости дело,
А просто гармония требует в дар
Упорство и труд, и всё более смело
Трещит, полыхает работы пожар.

Само совершенство... Всё больше и чаще
Глотает всегда ненасытный огонь.
Усилия впрок – результат настоящий.
Мой бог! совершенство! Но совершено ль?

И вечности мало. Карабкайся к небу,
Не видя предела, себя не щадя.
Вершина, где смертный не будет и не был, –
Само совершенство – погубит тебя.

НОЧЬ

Забыться. Тишиной обдать свой слух,
Как полуночным светом взор.
Тьму комнаты, не разделяя двух
Фаз сна, склонить на разговор,
Немолчный, тягостный, глубокий.
Туда, где дышит пустоокий
Провал окна, струится мгла
Из звёздной воспаленной раны,
На дымный тюль, где рамки сна
Скрепляют тайные изъяны
Несовершенных жестов дня,
Погибшего в труде покоя,
Где тихо льется ночи море
И август смотрит на меня.

***

Вот дни текут, сливаются в недели,
Недели в месяцы, а месяцы – в года.
Не спрашивай меня, во что я верю:
Я не скажу на-верно никогда.

Я с детства помню мрак большого мира,
Я помню ежедневный смутный страх.
Не спрашивай меня, как я простила:
Сама прошу прощенья впопыхах.

Да, жизнь идёт, и я стараюсь тоже,
Но смутен путь и так легко пропасть.
Не спрашивай, что в жизни мне дороже,
Пока дороже жизни не упасть.

Есть свет, есть тихий мир в душе уставшей,
Есть каждый день в гармонии с собой.
Блажен страдавший, думавший, искавший,
Вдвойне блажен – тот, кто нашел покой.

***

Вечер синий пал на поле,
Молоком залило даль.
Мятой и сырой листвою
Пахнет мой зелёный край.
Ветер бьется в грудь, как птица,
И летит, свистя, в поля,
Чтоб над Волгой растворитьcя
В мёде солнца, в свете дня.

Не забыты непогоды,
Дождь, стучавший по крыльцу.
В мраке гроз живёт свобода –
Вдохновение певцу.
Неба лён раскинут яро,
Знай, когда придет пора,
Зацветет и он пожаром
Яблок в августе с утра.

Банным вечером сольются
Запах хмеля и закат,
А парною ночью пьются
Звёзды слаще во сто крат.
Пусть сквозит с болотца холод,
Лишь душистей будет сад.
Он шумит: вдыхай, ты молод,
Время не вернёшь назад.

ДАРЬЯ ПЛЕШАНЬ

***

... А папины руки пахнут горячим медом,
Капиллярным стержнем синего цвета.
Автомобильным рулем, разряженным телефоном.
И летом.

... А папины руки... Немузыкальные пальцы,
Теплая выемка на ладони.
Папины руки проводят до всех
самых. важных. станций.
Пока папины руки держат –
Никто не тронет.

***

Дождь от любой простуды,
Любой хандры.
Музыкальный и летний
Медикамент.
Если зной теперь иссушил
И твои миры,
Выходи под пламя
Его лент.

Жгучий дождь. Чужестранец
В твоих краях.
Корабли уплывают
В израненную листву.
И если лето, то, наверное,
На морях.
И если босиком, то, наверное,
По песку.

А где-то в дали твоей
Празднично рдеет закат.
Принимай его пряные
Манговые дары.
Кто же знал, что дождь –
Лекарственный препарат.
От любой простуды.
Любой хандры.

***

В вековом исканье света,
Преподнося жизнь взгляду неба,
Купая в ландышевых тканях
Бемоли ветра и весны,
У старенькой церквушки где-то
Развяжешь узелки из нервов,
Распустишь твердое дыханье,
В чужие уплывая сны.

Ты философствовал так много,
Читая древние ученья,
Шептал пергаментные строчки,
Размешивая в чае ром.
Меж тем, я верила лишь в Бога,
Того, что с вербным воскресеньем
И тонким крестиком с цепочкой
На твоей шее серебром.

Все молятся на слезный голод,
Все уповают на веселье.
И рвутся к боговой карете,
Как рвется пленник из тюрьмы...
...Нам, чудо-солнцам, чужд их холод,
Мы счастливы в нерайской келье...
...В вековом исканье света
Находят гибель люди тьмы.

ФАЯ ГАЛЯМУТИНОВА

***

…милая моя дочка,
видишь большую бочку?
маленькой своей ручкой
в ласковую ладошку насыпь кучку
и маме на ранку, в темечко, спозаранку
щедро насыпь соли, скажи: «мама,
какая же ты засранка,
как же ты рано
сдалась, отпустила, дура!
Страдаешь и смотришь хмуро,
держишься за животик,
думаешь: «девочка моя, котик,
как я могла, как сумела
оставить тебя на небе,
в больничке так неумело
выбросила, мол, мне бы
еще немножко одной, без ребенка.
и папы не будет с нами» –
теперь поливаешь слезами
брошенные пеленки».

Милая моя дочка,
видишь большую бочку? –
Меда в ней нет ни капли,
Лишь деготь каплет.

***

Не помню, чтоб к ним приходили дети.
У бабы Риммы и деда Гриши
Я ложками ела какао, сахар и красную рыбу –
Странная память.
А может, это и было самое важное в жизни
(черт его знает).

Какой-то дешевый ковер на стене
И портрет Сталина.
Я долгое время была уверена:
Это любовник прабабушки.
Она под матрасом годами конфеты прятала
И тихо так восхищалась этим мужчиной.

Тогда в коммуналке я с ней на одной кровати
Спала. Она в силу возраста
Часто в кровать эту дулась.
И папа орал на нее все время –
К такой-то матери.
А я наблюдала за этим, свисая ногами со стула.

На этот же самый стул вставала
И часто думала:
В пять лет обязательно буду такого роста
И пятого класса.

Ну, в общем, в детстве вообще все было легко и просто –
Именно это и было
Самое главное в жизни.

***

Кислородная маска над темечком не висит.
Ничего уже не болит.

Вот в таком режиме живет себя изживает
открывает рабочие двери
окна университета
замечает что снег
и по Цельсию минус
и проклятый минус во всем дворе

Но в таком режиме надеется что вернется
что за ручку с отцом
за кассетой и видаком
а потом он пиво а ты мороженое
и просить ну купи тамагочи или йо-йо

что сначала уроки потом танцы
на трамвае едешь проезд пять рублей
по дороге обратно купишь пирожное
накопила с денег даденных на обед

что на этой неделе больше всего пятерок
а зимой выходить на улицу
чтоб найти и кормить бездомных собак

что снежинки под фонарем
это что-то сказочное
Дед Мороз существует
под подушкой гостинцы 13-го января

а еще в снежки возле школы после уроков
и пакет печенья с девчонками есть в метро
и вот этот мальчик
что нравится с первого класса
посмотрел на тебя три раза не просто так

Кислород уходит, застревает на уровне
переносицы:
Бесполезно хвататься за горло и биться в
грудь.

***

чем ты стала девочка
чем ты стала
ты не тем наверное стать хотела
каблуками меряя расстояние до квартала
понимаешь сама – не дело

ты ж сама не жалея себя расшатала
в грязь втоптала
упала в это
чем ты стала девочка
чем ты стала
посмотри тебя больше нет

и фонарный луч
бесполезный теперь
не найдет человека в тебе уже
завтра ты – как беда-череда потерь
а душа останется кру-же-
вной. разорви и брось

разорви и брось.

***

Пожалуйста, Боже,
можно я стану хорошей,
можно я стану целой,
как это было,
когда я дышала впервые в больнице
и громко кричала...

Пожалуйста, Боже,
сделай меня милой крошкой
с маленьким хрупким телом,
чтоб я помещалась в тазик и плюхалась, озорница,
и мама меня мыла
белым мочалом...

Пожалуйста, сделай меня сначала…
Видишь, я помолилась.

Фото Алика Якубовича

ДМИТРИЙ ЛАРИОНОВ

***

Финальный твит. По вертикали – численник недель;
щебечет на Kroogax восьмой альбом «Хронопа» –
две банки и картофель положил в портфель,

а дверь – на ключ. Социальным автостопом
добрался до больницы. В палате из окна –
дворы и полусвет. Накрапывает осень.

Пусть алчет правды верный друг, но болтуна
в себе убей. Такого – здесь не произносят.

***

имя рек названия мостов
не проходили в школе
к встрече с ними будь готов
их повстречаешь вскоре

и лодка вынесет тебя
в провинциальный город
и сложишь домну из огня
а с домной в море

не маяками выколот маршрут
но дрогнет жилка
есть каждодневный труд
в песке снежинка

теряешь несколько шагов
не быть великим
неважное число слогов
в твоей копилке

и вот уж лодку подают
мосты и реки
увы не повернут на юг
отход на север

ЦВЕТОК

О, если бы я был цветком в саду тенистом,
то вздрагивал плечом прожилистым, лиловым;
усвоил ветра естество /ветра – подобия дефисов,

относят запахи земли.../. Но всякий запах – слово.
Тогда бы выдыхал поэзию цветка. С такой пыльцой
не нужно смысла; к созвездиям глухим стремил лицо

свое. И если ты сорвал меня /приколот венчик на жилете.../ –
эклоги травной не прочел – с ладоней ускользнула цветень...
Ты наречешь меня читателем. Я нареку тебя отцом.

ДЕТСТВО

Детство. Многое было ярче.
Положим – немые сны. Такие видывал мальчик,
в отличие от остальных, его – имели окрас и запах.
Неведомый ныне простор.

И плоскость не знала парабол,
тепло – киловатт. Притом – в детстве многое было ярче
/вижу со стороны – на цыпочках маленький мальчик.
Скрип половиц избяных…/.

Детство – пространство и запахи
солнечных красок, расщепление календаря
на гласные цифры; словесная масса
сказаний о важном. Толика пресного мифа

в том, что не ты, словно кто-то другой
бывал – лишь однажды /больше, увы, ни ногой
туда./… Потому что предел – давно нажит,
остальное, просто-напросто результат труда.

Детство – декорации многих событий
в твоей голове /не перед глазами/. Снизу видел
мирок, а сейчас – за границу кулис;

казалось: выдержав первый экзамен,
вновь выйдешь к публике. Но руки – немелы. Голос – осклиз.

Детство – подсолнухи и одуванчик
на грядке. Листья крапивы. Сарай. И молчишь обо
всем. И единственный свет этот – сладкий.

И даже в сомнениях – Бог.

АЛЕКСАНДР КОЛЕСНИКОВ

Стихи Александра Колесникова – интересный и продуктивный повод для разговора о категории субъективности в современной поэзии. С одной стороны, тексты устроены так, что в них отчасти сохраняется традиционное «я» как в прямой форме, так и в форме косвенной и отстраняемой («ты»). С другой стороны, в них широко представлены способы иного конструирования лирического высказывания, к которым можно отнести и случаи субъектного синкретизма, и собственно персонажно-ролевую основу произведения. Возникает вопрос: зачем такое разнообразие, к тому же осложняемое культурологической эрудицией автора, задающей сложные и неоднозначные формулы соотношения «я» и мира?

Ответ может быть таким. В свете нисходящей значимости постконцептуалистской традиции для сегодняшней лирики на первый план может выходить проблема недопроявленности высказывания. Поэт как бы попадает в значимый и парадоксальный зазор между волей к власти над текстом (модернистская позиция) и отставлением своего волюнтаризма в сторону в духе концептуалистских разработок. Иными словами, тексты Колесникова не стремятся совпасть ни с традицией энигматических поэтик, ни с ясно эксплицирующими лирический смысл техниками. Подобно алхимику, поэт пока еще взвешивает свои возможности, чтобы обнаружить ту формулу, которая и позволит сделать шаг в сторону от медиального существования если не лирического субъекта, но интенции субъективности, что на данный момент еще кружит над лейтмотивными паттернами текста, подобно джазовой импровизации, в конце концов выходящей к своей начальной магистральной теме. Неслучайно, что ключевыми мотивами в поэзии Александра Колесникова являются мотивы ходьбы, походки, перехода, поиска под ногами, подбирания разрозненных элементов языка, из которых может сложиться вполне личностная и авторская поэтика.

(Предисловие Е.Е. Прощина)

МОСТ

взяв в руки огонь и нож
он всё терзал и терзал меня
как терзают молодого жертвенного ягнёнка
покрывая запястья стигматами
из которых вытекают литры неусвоенного алкоголя

прошедшей зимой Авва ты снова нагнал меня
подсёк повалил с ног и ударяя лицом в снег спрашивал
какого чёрта я опять позабыл тебя

вот и сейчас ты напомнил мне о себе
уже под утро обрушившись на меня дождём
на протяжении ста пятидесяти дней и ночей
влюблённый бог щедро поливал меня
бредущего из дома в ближайший ларёк
гремел гром сверкали молнии
фонари гасли давая пространство предутренним сумеркам
купив «Голуаз» расплатившись ассарием
слушая джаз из наушников-бусинок
я не спешил вернуться домой
давая дождю смыть с меня летнюю пыль
накопившиеся воспоминания
и окончательно осмелев я звал его
но кажется делал это напрасно

я блуждал по просыпающемуся городу
не находя пристанища
опускался к нижним частотам
пепельная подземка пожирала меня
но отказываясь переваривать выплёвывала обратно
к стенам alma mater
откуда меня вышвыривали куда-то еще
я кажется даже очутился в церкви
но пьяный поп спросонья прогнал меня

Авва, Авва!
я иду по давно разрушенному мосту
стивен в поисках леопольда
а земля противоположного берега безвидна и пуста
и тьма над бездною и туман носится над водою

***

бык который думает что он юпитер
руднев который думает что он витгенштейн
зенкин который думает что он французский пост-структурализм
экройд который думает что он лондон
казан который думает что он город
кит который думает что он Израиль
кролик который думает что он пяточок
питер в котором живёт мальчик что красит забор и скучает во время воскресной мессы
мальчик что прыгает с простреляннными глазницами и не умирает
забор на котором написано всё о чём я когда-либо думал
на котором висит афиша концерта которого никогда не было и не будет
фотокарточка которая думает что она картина которую написал рене магритт
текст который думает что он текст
мальчик который думает что он поэт

***

выверни себя наизнанку заставь кричать
крик твой разрушит город
где-то в обломках чужих снов
за стенкой прячется твой нерождённый брат
где-то за стенкой ты слышишь тревожный голос матери
поющей колыбельную
нерождённым младенцам
кровавым выкидышам
ты просишь её успокоиться
успокоить и себя и его и многих
она смотрит на тебя
не узнаёт
и ты уходишь
и время уходит вместе с тобой
оставляя в городе следы невысказанных слов
невысказанных мёртвыми никогда и не бывшими живыми
а город гасит
уличные фонари
их разбитых плафонов
энергосберегающие
лампы

ПРОДИКТОВАННОЕ

ГОВОРИТ дай мне грифельный карандаш
ГОВОРИТ не нужна мне больше твоя гуашь
а потом танцует вокруг холста
пламя костра касается его лица
частицы света падают в нерешимости
словно капли дождя летом из неприкрытого окна
бог ГОВОРИТ не знает прямых линий
Я говорю кто это тебе сказал
ОН ГОВОРИТ не знаю
а всё равно ГОВОРИТ нужно пространство
замкнутое в четырёх стенах
в непрозрачный куб
а ещё лучше — в квадрат
а остальное ГОВОРИТ мы просто выдумали
живём ГОВОРИТ во Флэтланде и в ус не дуем
захлопни дверь ГОВОРИТ дует
ГОВОРЮ если закрою
как же тогда смогу выйти отсюда
МОЛЧИТ
не разговаривает стало быть со мною
а потом
всё равно ГОВОРИТ ну куда ты пойдёшь
сиди уж лучше здесь
здесь тепло и солнце греет
несколько дней в году
а я не согласен
КРИЧУ
форточки открываю
выбраться всё хочу
выглядываю в окно
не вижу ничего а всё равно
с открытыми окнами
как-то и спать спокойнее
и дышать
(поправь ещё синтаксис ГОВОРИТ
ну, потом)

***

девочка-девочка пьёт кофе
чекинится в митбольной на углу октябрьской и большой покровской
читает жижека
ретвитит любимые паблики
встречает освобождённую марию алёхину
выкладывает фоточки в инстаграм
сочиняет новую запись в блог
надеется когда-нибудь написать статью на кольту

девочка-девочка ждёт мальчика
рассказывает всем какая у них любовь
показывает купленный им айфон
думает про полночь в париже
или (на худой конец)
каникулы в Роме

девочка пьёт жижека
чекинится в паблике
встречает освобождённый новый айфон
выкладывает любовь в инстаграм
думает о новой белой маечке
с чёрно-белой фотографией энди уорхолла
пишет об этом письмо
чтобы отправить марие алёхиной

а я чо, я ничо, я за кефиром вышел

ЕКАТЕРИНА ЧИСТОВА

МОНОЛОГ

Здравствуй! Не ждал меня? Я тоже не думала, что мы сможем побыть наедине…Нам надо всё прояснить как можно скорее. Молчишь? Обижаешься? Что ж… Тогда говорить буду я, думаешь, мне сложно всё высказать? А ты изменился за время моего отсутствия: смотрю на тебя и понимаю, что ты не такой, как раньше, но всё же прежний, тот самый. Да, и я стала другой… Этого не заметит только ленивый. Прости, что потревожила тебя, когда ты уже засыпал после трудного дня, но это лучше, чем я вовсе бы отказалась от этого разговора. Я снова не вовремя, знаю, но мы столько лет знаем друг друга, что ты мог бы и не удивляться.

Наверное, ты считаешь, что я сбежала и предала всё, что было раньше? Отнюдь. Пойми, не всё так просто: долгая разлука – ещё не расставание. Да и где ты видел, чтобы столь крепкие нити, пусть и невидимые, рвались всего за несколько недель, которые легко пересчитать по пальцам?

Хм… Я говорю – ты всё так же дремлешь… Я готова закричать, срывая связки, – ты невозмутимо погружаешься в сон! Разве я это заслужила? Ты не менее жесток, чем я…

Тебя раньше многие легко и непринужденно вычёркивали из своей жизни… Я знаю и прекрасно понимаю, что это больно, что это рвёт на части и оставляет кучку серого пепла от веры в радужное будущее. Но с чего ты взял, что и я уже не считаю тебя родным, как раньше? Пусть наши встречи сейчас мимолетны и подчёркнуто нейтральны, но я им радуюсь. Да, радуюсь! Не веришь? Зря... Ты ведь должен знать куда лучше, чем я, как тяжело выжить в мире и сохранить то, что некоторые называют душой…

Наверное, ты ревнуешь? Да, конечно, сейчас я больше времени провожу с тем, другим. Но что я могу поделать? Вот и сейчас в моем кармане лежит билет туда, к нему. Если бы могла, то порвала бы эту бумажку и сию же минуту сорвалась к тебе, но завтра я снова буду с ним. Нет, я не предатель… Просто так должно быть. Должно. Называй меня хоть как-то, но только не молчи.

Что? Какой он? Ты правда хочешь узнать? Мне кажется, он пытается ухаживать за мной. Ему так хочется заинтересовать меня и развлечь. Порой у меня разбегаются глаза: мне хочется успеть все и сразу, но маховика времени пока что-то никто не подарил, а жаль...

Красивый ли он? Да. Умный? Не поспоришь. Изысканный? Ты снова прав. Полюбила ли я его? Ты ставишь меня в тупик: он хорош всем, мне с ним интересно, но… Он нравится мне, да!

Я знаю, что с тобой могу быть предельно прямой и честной. Ты поймешь. Есть одно «но»: я уезжаю, а ему даже дела нет до меня, как так? Я окружена вниманием и так одинока в это же время… Таких, как я, у него достаточно. Нет, что ты, я не плачу…

Успокоить меня всегда мог только ты. Он не может…Заботишься обо мне ты и только ты.

Мы вместе с тобой прошли немало… Да и к чему я напоминаю? Ты помнишь всё куда лучше меня. Ты знаешь меня настоящую, а я люблю тебя таким, какой ты есть: родной, близкий и незаменимый.

Что бы ни случилось, я всегда с открытым сердцем спешу к тебе. И если я не могу быть с тобой, то отправляюсь к тебе в своих мыслях. А тот, другой… Да сможет ли он мне заменить тебя когда-нибудь?

Нет, что ты, я не плачу… Если только чуть-чуть. Я знаю, что рано утром уеду к нему, чтобы потерять лицо и надеть маску в толпе таких, как я. Для тебя же я одна-единственная, я твердо знаю это. Знай и ты, что я не променяю тебя. Вот приеду к тебе, скину эту безобразную маску и почувствую себя по-настоящему свободной. Теперь же спи. Я с нетерпением буду ждать встречи.

Мой город, я скучаю…

ЕГОР КРЭМЕР

КОНДУКТОР

Катится за окнами ночной город: редкие машины, промелькнул запоздалый прохожий, пустые магазины, и только стук колёс напоминает о самом главном: для чего большие окна трамваю? Этот стук стал моим сердцебиением: тук-тук. У трамвая персональный номер и одинаковый маршрут, который стал уже аксиомой: катится хромой трамвай по рельсам-рельсам, делает круг, и снова – на исходную, повторяя движение циркуля, образуя свою московскую кольцевую.

Иногда на разных остановках подсаживаются люди: старики, женщины, дети, влюблённые – все они мои одноразовые друзья. С ними можно скрасить скуку, поговорить, но так, на отвлеченные темы: кошка родила, дом сгорел, денег нет, Крым наш. Этот список можно продолжать до бесконечности.

Но не поговоришь с ними о том, как надоело смотреть на одни и те же дома, в которых всё те же знакомые лица или подвыпившие рожи. Всё так же дети играют на площадке знакомого детского садика, а вот девчонка снова ждёт парня – они всегда встречаются в это время.

Из всех пассажиров только я еду до конца, а потом иду на пустую остановку: сижу, грызу орешки и жду… своего трамвая.

Катится за окнами ночной город: редкие машины, промелькнул запоздалый прохожий, пустые магазины, и только стук колёс напоминает о самом главном: я сегодня забухаю.

Вдруг в вагон зашла ты. Все мои мысли перемешались в такой адский коктейль, что хочется его выплеснуть из окна, но мысли из головы не выкинешь просто так – нужно действие.

Любое действие, направленное в сторону твоих интересов, разрушает иллюзию: либо да, либо нет. Я думал: «С чего начать? Красивая, милая, дорогая…» Слова приходили в голову, и можно было выложить ассоциативный ряд, но это не про тебя: слишком банально. Здесь что-то сказочное, из детства: Василиса, Алёнушка – чистота и невинность в твоем образе. Такое чувство, что ты впитала все совершенство этого мира – ты сама гармония.

Я убежден, что у каждой девушки есть что-то завораживающее: ноги, глаза, нос, зубы, ушки, но у тебя – волосы. Твои прекрасные волосы, они пахнут росой и полынью, пропитанной ранней тишиной, которую можно услышать не в этом мегаполисе

с банковскими картами, а в русском поле.

В том поле, где можно найти васильки, прикоснуться к колосьям и с разберу упасть в траву… Хочется накрутить волосы на ладонь и чувствовать мягкость, прикасаясь щекой к ним. Сидя в конце вагона, я уже мысленно представил, как накручиваю твою копну и нежно шепчу слова поэта-серебряника.

Я подсел к тебе ненароком, не так давненько, где-то вчера. Ты улыбнулась и опустила взгляд, ожидая чего-то.

У тебя такие глаза: они ждут, но не представляют, чего хотят.

Может быть, дружбы, которая не превратится в куплю-продажу, и кто-то просто будет рядом – не за проходки на концерт, не за квартиру или машину, а потому что ему хочется находиться рядом, он ловит кайф от твоих мыслей. Тогда это уже любовь – чистая и искренняя.

Она не живет в книжках, журналах и поэмах Поля Верлена – это не любовь. Всё это образ её, а настоящая – она рядом. Она всегда с тобой, только нужно поверить. Глядя на тебя, я готов выходить за скобки: готов покинуть этот трамвай, выйти на любой остановке и пустить транспорт в свободное плавание. Разреши проводить тебя до дома? А когда будет холодно, накину на плечи свою куртку. Согревайся.

Давай мы с тобой ступим за край? Мы сможем полететь, как птицы, под нами будут города, будем пинать облака ногами, но можем и рухнуть – бывают полёты с летальным исходом. В этом нет ничего страшного – это житейская норма. Пойми, мы живем не в сказках, как бы этого ни хотелось: я не Аладдин, не Иван-Царевич, не Железный человек. Мы – люди, и живем для того, чтобы падать и подниматься. Нас бьют, в нас стреляют из ружья злые охотники, как в паршивых уток, но мы все равно летаем и будем летать! Иначе быть не можем! Просто нужно попробовать взлететь. Хочу попробовать с тобой...

Катится за окнами ночной город: редкие машины, промелькнул запоздалый прохожий, пустые магазины, и только стук колёс напоминает о самом главном: как твои дела, самочувствие, счастлива ли ты?

Эти вопросы теперь будут меня волновать, когда буду укрывать тебя своим крылом и дарить тепло, хотя бы с помощью одной куртки. Неважно, будь то наше гнездо в облаках или разбитые тела на скалах, я укрою от бед, обещаю…

Ты чиста, как источник ключевой воды. Хочется окропиться твоими водами и помолиться за светлую и чистую любовь. Давай попробуем?

Катится за окнами ночной город: редкие машины, промелькнул запоздалый прохожий, пустые магазины, и только стук колёс напоминает о самом главном: я так и не подошёл.

Она повернулась ко мне и показала проездной. Всё! Кажется, я влюбился… Чёрт!

ARS INTERPRETANDI

(лат. «искусство толковать чужие слова, мысли»)

Май на нашем факультете – не самое спокойное время, но не отметить День славянской письменности – это почти преступление. В этом году перед праздником был объявлен конкурс переводов со славянских языков, в котором самые талантливые и творческие студенты могли продемонстрировать свои способности переводчиков и интерпретаторов. Редакция с удовольствием объявляет имена победителей и призёров и публикует лучшие работы.

Итак, ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК:

1 место – **Дарья Горбунова** (третий курс д/о; поэзия)
2 место – **Алёна Олькова** (первый курс магистратуры; поэзия)
3 место – **Елена Федотова** (пятый курс в/о; поэзия)
3 место – **Мария Ягунова** (второй курс магистратуры; проза)
Особо отмечены были переводы **Элизы Али** (четвертый курс д/о; проза, поэзия).

* * *

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК:

1 место – **Александр Колесников** (второй курс магистратуры; поэзия)
2 место – **Анастасия Соколова** (третий курс д/о; проза)
3 место – **Екатерина Канарская** (третий курс з/о; проза)

* * *

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК:

1 место – **Анастасия Тихонова** (третий курс д/о; поэзия)

* * *

P.S. Надо сказать, что результаты в целом впечатлили. Помимо знатоков чешского, польского и болгарского языков среди переводчиков оказался современник Ломоносова и Сумарокова: **Александр Шаров** (пятый курс д/о) «переложил» рассказ чешского писателя Ивана Климы на «язык славенороссийский», завоевав зрительские и редакторские симпатии.

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

Стихотворение **Йордана Ефтимова** «Триптих»
Перевод **Александра Колесникова**

ТРИПТИХ
на Миленко, на Драган, на Давид, на Владо

I
излизаме и вече сме вътре
мостът назъбен покрит от глухарчета като стадион
но това го знаем не се вижда
над нас плуват облаци
нищо не се вижда осветено е всяко кътче
ограда от звуци картина без звук
пърхащи тухли цъфнали електрически стълбове
над нас корпускуларната теория взима връх
външното става вътрешно и обратното
затвори очи и виж
II
Баща ми е хирург
Той никога не е оперирал толкова много хора
А може би е искал?
Сигурно е искал
III
Защото може ли да се влезе в една и съща река два пъти
дори когато е била бомбардирана

ТРИПТИХ
Милану, Драгану, Давиду и Владо

I
уходим и больше уже не вернёмся
старый разбитый мост зарос одуванчиками словно поле
но это мы узнаем лишь понаслышке
над нами плывут облака
ничего не видно во тьме в убежищах
ограждённых от звуков тишина
дрожат стены расцветают столбы линий электропередач
над нами корпускулярная теория одержала победу
внешнее стало внутренним и наоборот
закрой глаза и смотри
II
мой отец хирург
он никогда не оперировал так много людей
а может быть он этого и хотел?
наверняка хотел
III
потому что можно ли войти в одну реку дважды
даже если её бомбардировали

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Стихотворение **Константы Ильдефонс Галчинского** «Palcem planety obracasz»
Перевод **Анастасии Тихоновой**

PALCEM PLANETY OBRACASZ

Palcem planety obracasz,
tchem - miliardowe gwichty
i twoja to sprawia praca,
że kołują złote jak nigdy.

Kwiaty posądzasz wesołe,
że pachnie w mym całym domie,
i różę, na róży pszczołę,
na pszczole - słoneczny promień.

Gdy kończę pracę, to do mnie
przybliżasz się, niepojęta-
i uczę się astronomii
na twych gwiaździstych piętach;

i sen, jak pył szafirowy,
na śpiące usta się sypie,
na skrytą pierś do połowy,
na włosy koloru skrzypiec.

ПАЛЬЦЕМ ПЛАНЕТЫ КОСНИСЬ

Пальцем планеты коснись
И насладись результатом.
Видишь: умытые звезды
Светятся, как бриллианты?

Яркий цветник разведи,
Благоуханный, веселый.
Розы, жужжанье пчелы,
В солнце одетые пчелы.

Кончу работать – ты здесь,
В дымке загадочно-новой,
И звездных глаз твоих блеск
Манит меня в астрономы.

И до утра в сладком сне
Звездная пыль на ресницах,
Профиль чеканный во тьме,
Волосы цвета пшеницы…

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

Стихотворение **Иржи Жачека** «České moře»
Перевод **Дарьи Горбуновой**

ČESKÉ MOŘE

České moře, dárek od Shakespeara,
pohádkový omyl, který potěší,
cosi jako láska, naděje a víra,
moře pro neplavce, moře pro pěší,

moře bez vody a bez příboje,
nekonečné moře všeho, co bys chtěl,
moře mrtvých mýtů, moře nepokoje,
moře utonulé v buňkách našich těl,

moře sebeklamů, moře nebezpečí,
moře, které mumlá vyhynulou řečí,
zamořené moře, moře našich dob,

moře, z něhož zbyly útesy a břehy,
zkamenělé moře milosti a něhy,
moře hoře, naše kolébka i hrob.

ЧЕШСКОЕ МОРЕ

Чешское море – бездонный подарок Шекспира.
Ошибка случайная, ставшая даром небес.
Любви ты подобно, Надежде и Вере для мира,
Не совладают с тобой ни поэт, ни пловец.

Здесь не найдёшь ты бездонных глубин и прибойного шума,
Здесь только то, что ты сам пожелаешь найти.
Здесь миф разобьётся о камни и душ безответная груда
По клеткам людей разберёт, лишь стоит войти…

Своим языком мертвецы тебе шепчут сказанья.
О, море иллюзий, опасностей и мирозданья!
Здесь времена наши спят, не дремлет лишь Рок.

Но ничего от него не осталось, и только грёзы
Дарят застывшие нежностью моря утесы,
Чешское море, для нас колыбель ты и гроб.

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

Рассказ **Ивана Климы** «Marie a básník»
Перевод **Александра Шарова**

* * *

МАРИЯ И ПИИТ

Беспрестанно на него смотрела. Будто бы слышала голос его. Тем же часом и ждала. Не знала его обличия, а ждала. Намеренность возымела ждать долго. Уж и руки трясутся – кошель открывши, плат обронила, и упал оный во грязь.

Давно уж он ничего не писал. Впротчем, и не находилось, о чем. Многим угодно было, когда бы он в вещах, ему отнюдь несродных, растворялся. А, того кроме, замечал он, что людям лгать свойственно, да и юности ростка в них нисколь не видно. Порожни люди, потому страшно за них. Верно, то же вызнал он и про себя.

Дождь перестал. На дереве дрозд сладко залился. Пииту великая возможность тут была изобразить, будто певец клюватый радость миру гласит или двум, любящим взаимно, в угоду. Но пел сей пиндар черноперый едино о том, как благостно окончание дождя и каков вечер. Что до люду, древо окружающего, то никакой забавы от искусства певчьего никто не поимел и смыслу великого не вразумил.

Премерзость великая от неразумства подобного исходит, а жить-то надобно. И, струнам подобно, слова перебирать, сколь стары и просты бы не бывали. Ночи длинные, бочки, пустотою зияющие, сердца, зияющие не менее – всюду слова свои пиит пасет и выгоняет, но мало где отклика находит.

Взял цветы, совокупно перевязанные, вышел на улицу, от воды мокрую. Поступь его мягка была и, притом, размеренна.

Плат же ея бурой слякоти преисполнился.

Взяла она тряпицу. И что открылось? Пахнуло хвоею; то не бренье, но смола. Никак уж ее не сотрешь. Сколь сильно б не любил человек, смолы не победит. Разве что, Степа…

И впрямь уж идет.

Обыкновенный, и – Степан! Каждая, молодого возрасту, благодушная к иным людем, особа обыкновенность степанову пренепременно увидит. Не приходилось ему бывать от глупости большой обожаемым, но многое уж он в мыслях своих произвел. Что сбудется, докуда отправится, да что приключится. Да и в ком же он нужду какую имеет?

Дошедши до дому ея, рек:

– Маня! До чего ж славно, что ждешь меня. Когда приду, думал я, и ждать не будешь!

– Однако ж, раздождилось, – сказала она кратко и слова не растягиваючи.

Небо виднелось в лужах. Туча, с месяцем связно, плыла и влекла ворох звезд. Представилась она ему судном, одним лишь ветром толкаемым, но изречь то на слух общий сталось ему превесьма постыдно. Уразумевал то лишь, что каждой подобной случайности он, по части ремесла и дара своего, обязан.

Руки его рукам зодчего подобали.

Идущу ему, думалось, каково вышло так, что и кошеля чистого с собою не взял. Незатейливо очень быть об руку с подобным лицом! Но, всё ж, поспевали держаться рядом.

Переложил с языка чешскаго, на язык славенороссийский
штудент Шаров, группы 941-ой, апреля 19-аго числа.

ДЕНЬ РУССКОГО ЯЗЫКА – 2014. ОЛИМПИЙСКИЙ. ТВОРЧЕСКИЙ. НАШ

С благоговеньем прикасайся
К тому, чем ты вооружён,
Твори светло и упивайся
Безбрежным русским языком.

Сергей Скачко

Мы – счастливые люди, мы – обладатели одного из самых красивых и поэтичных языков в мире. Классики не только отечественной, но и зарубежной литературы воспевали великолепие и мелодичность русского языка. Прекрасный знаток русского языка и русской литературы Проспер Мериме говорил: «Русский язык – язык, созданный для поэзии, он необычайно богат и примечателен главным образом тонкостью оттенков».

Язык народа – его величайшее богатство. Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта. Пожалуй, именно в языке, в слове наиболее сильно и многогранно проявляется ум народа, его национальная история, быт и мировоззрение.

В наши дни люди редко задумываются о значимости родного языка, о речевой культуре. Престижным считается насыщать собственную речь иноязычными или жаргонными словами. И сегодня становится особенно важным восстановить речевую культуру, а для этого нужно создавать свои маленькие традиции. Всё великое начинается с малого!

На нашем факультете уже стало традицией проведение «Дня русского языка». Одиннадцатого апреля факультет весь день находился в приподнятом настроении. Представьте себе юную девушку (ведь ФЛФ всегда молод душой, ну и благодаря количеству женского «населения» воображение рисует именно этот образ). А теперь представьте, что у нее день рождения / 8 марта / любое другое приятное событие. Румянец на щеках, загадочно-счастливая улыбка, жизнерадостная песенка на устах… Вот именно так для многих выглядел филологический факультет в этот день. Что стало поводом? Конечно же, русский язык, великий и могучий (нельзя обойтись в такой статье без этих определений). Кафедра современного русского языка и общего языкознания сделала в этот день всё, чтобы праздник стал Праздником с Большой буквы. А харизма и задор ведущей праздника, Надежды Александровны Самыличевой, добавили особый блеск всему происходящему.

В нынешнем году празднование Дня русского языка проходило под девизом Олимпийских игр в Сочи – филологический факультет не мог остаться в стороне от этого события.

Итак, концерт начался…

Впрочем, слово «концерт» здесь не очень уместно: все действо больше похоже на паззл, собранный из отдельных частей, каждая из которых по-своему любопытна.

Открыла праздник декан Людмила Ивановна Ручина – мы все знаем, как она

любит своё дело, свой ФЛФ и каждого находящегося здесь. В своём выступлении Людмила Ивановна обратила внимание на особое место русского языка в современном мире, отметила, что сохранение богатого наследия родного языка сейчас, с учётом сложившейся политической ситуации, особенно актуально. Затем Елена Вячеславовна Маринова прочитала увлекательную лекцию о том, насколько «спортивен» русский язык, какие термины спорта пришли к нам из-за границы, а какие являются исконными. Спортивную тему подхватили и студенты третьего и четвертого курсов, которые подготовили занимательные сценки, перевоплотившись в российских и зарубежных спортсменов, изучающих русский язык. Зал не остался равнодушным и от души смеялся над комичными ситуациями, в которые попадали незадачливые «ученики», познающие тайны и глубины русской речи: ведь только будущие филологи могут так качественно и тонко совместить несовместимое – молодежный юмор и филологические шутки. В студенческом творчестве русский язык объединил носителей разных диалектов, Аршавина и олимпийцев из разных стран.

Студенты-второкурсники тоже не остались в стороне от подготовки нашего праздника – они исполнили замечательный музыкальный номер, в котором подчеркнули, что главное назначение Олимпийских игр – дружба народов. Польский, болгарский и чешский языки объединила русская песня «Если у вас нету тети», исполненная коллективным хором 921-ой и 922-ой групп и дополненная весьма глубокомысленным куплетом.

А потом началось главное «Олимпийское состязание» – командная викторина. Студентам не удалось избежать коварных вопросов по русскому языку от Надежды Александровны. Причём требовались не только знания о русском языке (которые у студентов, конечно, есть), но и умение их нестандартно использовать. В любом случае, от викторины все получили огромное удовольствие, а в довесок к нему еще и подарки! Участникам «состязания» удалось продемонстрировать спортивный характер, волю к победе и знание «великого и могучего русского языка»!

И у нас были свои герои – олимпийские чемпионы!

День русского языка прошел в очень теплой дружеской обстановке. Закрывало праздник хореографическое выступление студактива. Ведь в танце, как и в языке, отражается самобытный русский характер.

В заключение хочется сказать слова благодарности организаторам, идейным вдохновителям и «главным тренерам» нашего праздника – Ручиной Людмиле Ивановне, Рацибурской Ларисе Викторовне, Шавлюк Ольге Юрьевне, Мариновой Елене Вячеславовне, а также яркому ведущему и «арбитру» – Самыличевой Надежде Александровне.

Ждем с нетерпением следующего Дня русского языка, а также активных студентов, готовых предложить свои творческие идеи!

Студентка 2 курса Елизавета Груздева
Студентка 4 курса Алёна Пикунова
Ассистент кафедры современного русского языка и общего языкознания
Жданова Е.А.

НАЧАЛО НАЧАЛ

Уважаемые читатели, мы продолжаем знакомить вас с творчеством представителей старшего поколения, и на этот раз в нашей относительно новой рубрике представляем вашему вниманию очерк, который написала мама Ольги Станиславовны Сухих.

Тамара Константиновна Сухих
(1938 – 2013 гг.)

Тамара Константиновна Сухих – выпускница историко-филологического факультета ГГУ, 40 лет проработала учителем русского языка и литературы в школах Горького / Нижнего Новгорода. Училась на одном курсе со Станиславом Ивановичем Сухих и Всеволодом Алексеевичем Грехнёвым; первый впоследствии стал её мужем, второй же со студенческих лет оставался другом. Последние годы жизни Тамара Константиновна посвятила созданию цикла очерков о своей семье и о людях, с которыми сталкивала её жизнь. Очерк «Стасик и Владик» был одним из первых в этом цикле.

Ольга Станиславовна Сухих

СТАСИК И ВЛАДИК

Когда мы произносим эти имена, которые воспринимаются как детские: Стасик и Владик, то представляем мальчиков или подростков, которые дружат и вместе играют. На самом же деле я пишу сейчас о двух профессорах Нижегородского университета, которые благодаря своему трудолюбию, уму и таланту добились многого, создав массу монографий, статей для студентов и для всех, кто интересуется литературой. Я училась на одном курсе с ними и многое знаю об этих людях, один из которых – Станислав Иванович Сухих – стал впоследствии моим мужем, а другой – Всеволод Алексеевич Грехнёв – был другом нашей семьи (к сожалению, его уже нет с нами). Мне хочется написать о том, как я их себе представляю, воссоздать их образы, каковы они в моём восприятии. Для меня они до сих пор Стасик и Владик, да и всегда ими останутся, ведь я помню их с юности.

Это очень разные люди по своим характерам, по мировосприятию, но в их судьбах есть некоторое сходство. Оба в детстве воспитывались без отцов, росли под влиянием своих матерей, кстати, обе они были учительницами. В семье Стасика отец ещё до рождения сына ушёл в армию, а вернулся уже после Великой Отечественной войны, когда мальчику было восемь лет. У семьи Владика очень драматическая история. Его отец, который работал горным инженером в Иркутской области, был репрессирован в 1938 г. (это год рождения Владика), мальчик фактически не знал отца, который или был расстрелян, или умер в лагере. Мать же – Вера Степановна – сразу переехала в Кировскую область, где у неё были родственники, там она устроилась работать учительницей, там и вырос Владик. В семье, видимо, не принято было обсуждать судьбу отца, но подспудно, наверное, существовала некая обида на «коммунистический режим». Точно я этого не знаю, но сужу по тому, что

в студенческие годы Владик с презрением относился к всяческим комсомольским делам и откровенно говорил о своём неприятии тех литературных произведений, в которых отразились революционные настроения. Например, помню, что Владик принципиально отказывался платить комсомольские взносы, хотя это было не слишком обременительно в материальном отношении: требовалось 20 копеек в месяц. Наш комсорг Валя Сорокина (Ерёмина) буквально извелась, уговаривая его всё-таки выполнить свой комсомольский долг, тем более что она несла ответственность за уплату взносов (в итоге для неё оказывалось легче заплатить за Владика самой, чем повлиять на него; тот же выход находили и другие наши комсорги в последующие годы). Он очень не любил, как я помню, роман Горького «Мать», считал его «голой» пропагандой. Когда мы сдавали экзамен по литературе этого периода, то Владик долго не входил в аудиторию, хотя обычно старался ответить в числе первых, чтобы поскорее освободиться. Девочки-однокурсницы удивлённо спросили его, почему он нервно меряет шагами коридор вместо того, чтобы давно уже «отстреляться», а он ответил, что не читал роман «Мать», поэтому ждёт, когда билет с вопросом по этому произведению вытянет кто-нибудь другой. У Стаса же не существовало каких-либо драматических впечатлений и воспоминаний, связанных с эпохой сталинизма. В Вилегодском районе Архангельской области, где он вырос, не было особого размаха репрессий. Все местные жители знали только об одном случае: арестовали трёх мужиков, которые слишком много выпили и стали стрелять, сделав мишень из газеты, а на ней, как оказалось, был портрет вождя народов. От раскулачивания в селе Вилегодск пострадала лишь одна семья, причём – интересный факт – дом этих людей, хороший, большой, остался пустовать, никто не хотел его занимать, даже правление колхоза или сельсовет – так и стояла изба, пока не разрушилась. Короче говоря, Стас вырос в атмосфере вполне лояльного отношения к советской власти и советской литературе. В университете он стал специализироваться по кафедре именно советской литературы, впоследствии изучал как раз творчество Горького, которое так не любил Владик – он стал специалистом по русской литературе XIX века. Художественные вкусы и предпочтения у Стасика и Владика всегда были очень различны, но я прекрасно помню, что и тот, и другой отличались самостоятельностью взглядов и глубиной понимания литературы. Недавно мы говорили о студенческом прошлом с одной из моих однокурсниц – Лерой Грач, и она сказала, что уже в те времена поняла: Стасик и Владик имеют большое будущее в науке, они по своим способностям превосходят остальных, хотя у нас вообще-то была очень сильная группа.

Мне вспоминается, что Владик всегда был хорош собой, старался выглядеть элегантно, следил за причёской. Девушки уделяли ему внимание, и он любил проявить к ним любезность, сделать комплимент. Кроме того, всех привлекала его манера говорить. Когда он читал лекции, делал доклады, то большинство присутствующих в аудитории это буквально завораживало. Мне его речь казалась нарочито литературной, искусственно сконструированной, как будто он специально старался говорить не как все, на самом же деле для него, видимо, это была вполне естественная речь, он не напрягался, подбирая слова и формулируя фразы: он так мыслил. Правда, мне всё же кажется, что в юности Владик специально культивировал подобную манеру говорить, подбор лексики, привычку к поэтическим инверсиям и т.д. Он, например, в деревне, где мы отдыхали, мог сказать: «Тут рыбачат местные пейзане…». Писал он тоже в таком стиле: «анфилады пространств», «генерализация элегической эмоции»…

Стасик никогда не придавал особого значения внешности. Правда, когда на первом курсе он выделялся среди нас, городских жителей, тем, что ходил на занятия в валенках и лыжных брюках, то это его несколько угнетало, но потом, когда у него появилась возможность купить обычную для города одежду, этот вопрос его уже больше не волновал. Стас не стремился завоевать внимание девушек, у него не было «изящных» манер. И речь его всегда была проста, он и до сих пор не любит витиеватые выражения или наукообразие. Его монографии и статьи написаны в простом стиле, он считает, что главное – это не столько образность речи, сколько ясность и доступность для понимания.

Выступления на семинарах в студенческие годы, по-моему, были для Стасика и Владика своеобразным «полигоном»: они оттачивали логику, умение говорить в расчёте на аудиторию, способность доказывать свою мысль. Оба серьёзно занимались и впоследствии смогли внести большой вклад в литературоведение. Владик стал одним из ведущих пушкинистов, его работы очень ценят в этой сфере; с интересом читают студенты, преподаватели его книгу по теории литературы, над которой он работал в конце жизни. Изучают и монографию Всеволода Алексеевича о лирике. Вообще у него были широкие научные интересы, не случайно так много направлений бывает на конференции «Грехнёвские чтения», которая проводится в его память на филфаке в последние годы. Стасик же раньше занимался горьковедением, написал книгу о творчестве и духовной драме Горького, которая вызвала и до сих пор вызывает большой интерес в среде исследователей, студентов, учителей. Потом он был очень увлечён творчеством Шолохова, написал две книги: одну об авторстве «Тихого Дона», а другую о проблематике и поэтике этого романа – эти книги заказывало несколько библиотек в разных городах, просили прислать их и в станицу Вёшенскую, в Шолоховский музей. Теперь же Стас больше интересуется теорией литературы. Друзья и однокурсники всегда ценили Стасика и Владика как учёных. Например, известный нижегородский радиожурналист Евгений Георгиевич Филатов в своё время говорил о Владике: «С нами гений!» Тот же Женя Филатов однажды после конференции «Горьковские чтения», которая традиционно проводится в нашем городе, очень эмоционально сказал: «Какие ещё нужны Горьковские чтения, если уже есть книга Стаса!»

На протяжении своего многолетнего общения и совместной работы на факультете Стасик и Владик всё больше духовно сближались, они всегда сидели рядом на учёных советах, их мнения по разным вопросам чаще всего совпадали, они даже курить всегда выходили вместе, пока Стасик наконец не решился отказаться от сигарет – Владик же так и курил до конца жизни. Постепенно сближались они и в своём понимании литературы, в манере изъясняться. «Прелесть важной простоты», которую всегда отстаивал Стас, с годами стала привлекать и Владика, и его последняя книга написана по стилю уже намного проще, чем прежние работы, причём это нисколько не умаляет её значительности и глубины исследования. Стасик очень ценит эту его монографию, ставит её выше многих. Как творческие натуры оба всегда искали научной новизны в анализе литературы, оба были недовольны профессиональными конференциями («Горьковскими чтениями» и «Болдинскими чтениями») по одной и той же причине: всё время одни и те же люди, определяющие круг приглашённых, тематику – конференция превращается в то, что сейчас называют «тусовкой».

Внешне и Стасик, и Владик ещё с молодости многим казались строгими и неприступными, но в душе оба они очень чувствительны и добры, для них характерно

сочувствие к людям, да и не только к ним. Стасик, например, очень любит животных; в нашем с ним доме всегда жили и живут коты и кошки, и он с ними общается как с людьми,полагает, что каждый кот – это неповторимая личность. Например, нашего кота Мишу он считает аристократом, а нашего же Гришу – простым, но хитрым мужичком. Что касается Владика, то он сначала обычно не одобрял появление кота в квартире, но потом привыкал к пушистому другу и с удовольствием общался с ним. В последние годы жизни Владика у Грехнёвых появился кот Макс, которого возили отдыхать в деревенский дом. Владик полюбил его, правда, тоже со временем, только очень ругался, когда Макс в деревне ловил мелких птиц. Он даже бегал за котом и пытался ему помешать: «птичку жалко!»

Раньше наша семья и семья Грехнёвых жили в разных концах города, но потом Грехнёвы переехали в Кузнечиху, где мы обосновались уже давно, и тогда мы с ними стали часто встречаться. За общим столом любили петь песни, у Владика был прекрасный голос. Он писал очень хорошие стихи, но об этом знали немногие: он их не публиковал. Стасик и Владик всегда быстро находили общий язык, понимали друг друга с полуслова, никогда между ними не было зависти по поводу научных достижений, статуса и т.п. Оба не стремились к власти. Когда освободилось место заведующего кафедрой русской классической литературы, то Стасик (а он был тогда деканом) очень уговаривал Владика это место занять, но тот не хотел заниматься никакой административной работой, кем-либо руководить. Когда на факультете собирались организовать кафедру теории литературы и фольклора, то декан предложил Стасу должность заведующего, но тот тоже отказался. Обоим нравилась творческая работа. Стас сейчас даже жалеет, что много лет проработал заместителем декана (его не отпускали, хотя он много раз пытался подать заявление): это время было потеряно для научных занятий.

В начале 90-х годов Стасик и Владик читали лекции для учителей на курсах повышения квалификации. Нужно сказать, оба согласились на эту работу лишь потому, что не хватало преподавательской зарплаты: это были тяжёлые времена. Если бы не материальные затруднения, они вряд ли пошли бы на курсы, ведь оба были очень далеки от школьного преподавания литературы. И такая работа не приносила им настоящего морального удовлетворения: им казалось, что по-настоящему думающих учителей слишком мало, поэтому их труд не приносит должной отдачи. Однако всё равно оба старались интересно выстроить свои лекции, что-то новое открыть для слушателей. И вообще-то стоит заметить, что объективно это принесло пользу, было важно учителям, не случайно потом многие писали не просто положительные, а даже восторженные отзывы. Но всё же Стасик и Владик недолго работали на курсах: школа была им не очень интересна. Когда, например, я, будучи учительницей русского языка и литературы, готовила анализ поэтических текстов для методического семинара, то Стас мне не помогал, считая, что это не его дело. А вот Владик тогда меня серьёзно поддержал, хотя тоже не интересовался школой. Он прочитал и высоко оценил мои «сочинения», даже сказал, что не ожидал от учителя такого уровня работы с текстом, что мне стоит это опубликовать. Я до сих пор всегда с благодарностью вспоминаю его слова. Вообще, мы со Стасом часто говорим о Владике, ведь он был для нас одним из самых близких друзей, и нас объединяли общие воспоминания, общие интересы. И сейчас, когда Владика уже нет, он всё равно как будто с нами: память хранит его образ и живо воссоздаёт его каждый раз, когда мы говорим о нашем общем прошлом.

АРСЕНИЙ ГОНЧУКОВ
Человек с бульвара Капуцинов

В августе 2014 года фильм Арсения Гончукова «Сын» получил гран-при жюри в конкурсе игрового кино фестиваля «Окно в Европу» в Выборге. Редакция поздравляет Арсения с победой и предлагает читателям интервью с победителем.

Говорят, талантливый человек талантлив во всем. Спорное утверждение. Кто-то, выбрав для себя одну стезю, достигает в ней достойных уважения высот, являясь совершенным профаном в других сферах жизни. Кто-то, пытаясь поймать сразу нескольких зайцев, так и остается середнячком. А вот «зайцы» нижегородского режиссера, поэта, журналиста, драматурга Арсения Гончукова оказались «пойманы» им все до единого: выпускник филологического факультета ННГУ имени Н.И. Лобачевского смог вывести все свои увлечения на профессиональный уровень. И всё-таки, в первую очередь, он режиссёр. Режиссёр авторского кино. Человек, который продолжает нести элитарную культуру в массы. Джон Фест с бульвара Капуцинов.

– Арсений, для начала крохотный блиц-опрос: лингвистика или литературоведение?

– Хотите узнать, по какому из филологических путей я пришёл на факультет? *(улыбается)*. Книголюб я, книголюб. Честно признаюсь: при поступлении на филфак обилие языковедческих дисциплин стало для меня сюрпризом и в первое время вызывало некоторые сложности в обучении. Еще Наталья Максимовна Квасюк, легендарный нижегородский педагог, сказала мне перед написанием выпускного сочинения в 11 классе: «Помни, Сеня: чем меньше текст – тем меньше ошибок». Однако внутренний филолог во мне тогда все-таки победил, и экзаменатору на стол я сдал две двенадцатилистовые тетрадки, получив пятерку за содержание и тройку за грамотность *(смеётся)*. В общем, если в школе сложнее всего мне давались точные науки, то в университете – лингвистические. Те самые, которые вкупе с художественными и публицистическими произведениями многочисленных русских и зарубежных писателей, смогли воспитать во мне тонкое языковое чутьё, помогающее как в житейском, так и в профессиональном плане.

– Русские и зарубежные писатели… Давайте сузим этот широчайший круг до одного, Вашего любимого автора. Кто он?

– Фёдор Михайлович Достоевский, как бы это ни было тривиально. На его произведениях я фактически сформировался как личность, начав читать их еще в старших классах. Это литература психологически очень тонкая, зачастую парадоксальная, иррациональная. Впрочем, как и произведения любимых мною Гоголя, Платонова, Довлатова, стихи Цветаевой, Маяковского, Бродского, Башлачёва, Янки Дягилевой, повлиявшие в итоге и на мою литературную деятельность… Мне близко это искреннее творчество, на разрыве аорты, и авторы, не щадящие себя в искусстве.

– И тогда, в конце прошлого века, такая литература 20-летнему студенту тоже была близка?

– Спрашиваете! *(улыбается)*. Тогда весь наш курс буквально болел литературой, художественные перипетии казались куда важнее насущных проблем. До сих пор помню, как жарко мы спорили с Леонидом Юрьевичем Большухиным о значимости Есенина в русской литературе. Практически до драки! *(смеётся)*. И это несмотря на то, что Леонид Юрьевич, под стать своим инициалам, был нам очень ЛЮБ. Кстати, вполне филологические инициалы, на мой взгляд. Некий отсыл к Маяковскому, по творчеству которого Большухин один из крупнейших специалистов в стране.

– Арсений, Вы ведь тоже могли бы стать учёным. Однако аспирантуру всё-таки не окончили. Почему?

– Не тот темперамент, неусидчивый я. Да и на момент поступления в аспирантуру я уже был женатым человеком. Семью надо было кормить, вот и пошёл зарабатывать на жизнь с помощью микрофона – стал корреспондентом на нижегородской телекомпании «Волга», затем ведущим, затем заместителем директора по информационному вещанию… Однако несмотря на то, что моя журналистская карьера шла в гору, в 2009 году я ее сознательно завершил, поработав до этого в разных должностях на телекомпаниях «Первый канал», «Россия», «Пятый канал», «ТВ Центр», «Звезда», сняв порядка 15 документальных фильмов и побывав в августе 2008-го в Южной Осетии в качестве военкора.

«**В Арсении Гончукове, которого я знал ещё школьником, всегда можно было выделить основную черту — это удивительное упорство, которое было способно очень легко и естественно не считаться ни с какими обстоятельствами. Для Арсения характерно наличие очень мощной энергетики, которая долгое время не могла найти адекватную форму применения. В его жизни было всё от попыток найти себя в поэзии, затем — недолго — в науке. Наверное, кинематограф оказался для него самым подходящим способом самовыражения**».

Л.Ю. Большухин

(взято с медиа-портала «Горький ТВ»)

– Во время трагических событий в Южной Осетии Вы были уже достаточно зрелым человеком. А стоит ли соглашаться на работу в горячих точках тем, кто только-только встал из-за университетской скамьи?

– Нет. Молодым да горячим не место на войне. Сдержанность и уравновешенность – вот те качества, которые действительно могут помочь в этих крайне тяжёлых условиях. Зачастую у журналистов и телеоператоров возникает ложное чувство безопасности: ты с камерой и микрофоном, ты не воюешь – значит, тебя не убьют. Увы, это не панацея. Надо быть осторожным, не геройствовать и в то же время не бояться, иначе ничего не снимешь. Одним словом, нужно быть психологически подготовленным к военным действиям.

– Арсений, вернемся к окончанию Вами карьеры журналиста, а точнее к следующему этапу Вашей жизни – кинорежиссуре. Когда Вы вообще стали интересоваться этой профессией?

– Мир кино манил меня еще в школе. Будучи старшеклассником, я мечтал стать кинооператором, но в конце 90-х гг. Москва, где можно было получить образование

по этой специальности, была для меня, мальчишки из простой семьи (мама – авиационный конструктор, папа – инженер-строитель), практически другой частью света. А в 28 лет, когда я, можно сказать, перегорел журналистикой и съемкой документальных фильмов, решил попробовать свои силы в киноремесле и поступил в Школу кино ВШЭ на курс к Анне Фенченко. В титрах своих студенческих работ себя долго не указывал – не считал то, что я тогда делал, настоящей режиссурой. Первым фильмом, под которым я поставил свои имя и фамилию, была короткометражка «Конечная остановка», с которой я чуть позже стал участником 66-го Международного Каннского кинофестиваля. Дальше были полнометражные фильмы «1210», «Полет» и «Сын». Сейчас готовимся к съемкам фильма «Последняя ночь», который выйдет осенью 2015 года… Я снимаю исключительно авторское кино, не финансируемое никакими государственными фондами, без обилия так называемых «селебрити»… Мне важно, чтобы зритель уловил дух картины, тот посыл, который я вложил в неё, а не шёл смотреть на очередное появление на экране такой-то и такой-то знаменитости. Кинематограф должен оставаться искусством, а не превращаться в шоу-бизнес.

– Тогда мой последний вопрос таков: каким, на Ваш взгляд, должен быть режиссёр, чтобы снять стоящее, не «конвейерное» кино?

– Режиссура существует на пересечении творческого и производственного, довольно затратного как по силам, так и по времени, начала, а потому, помимо таланта, нужно обладать такими качествами, как целеустремлённость, стойкость и умение доводить дело до конца. К тому же режиссер должен четко понимать, что он хочет донести до зрителя и как он хочет это сделать… Вы знаете, я, будучи подростком, очень любил советский фильм «Человек с бульвара Капуцинов», ещё, в общем-то, не осознавая его символического смысла. Смотрел киноленту раз десять, очаровываясь тем миром, который привносил в жизнь захолустного городка на Диком Западе США Джон Фест Андрея Миронова. Сейчас, по прошествии многих лет, мне хотелось бы верить, что нечто подобное делаю и я своими фильмами. Что они находят своего зрителя и заставляют его думать и делать что-то стоящее. Или хотя бы учиться на ошибках моих героев. Да просто человеком быть – уже достаточно.

ЮЛИЯ АСТАШКИНА

АЛЕКСАНДР РЕЗОНТОВ:
«Берегите себя от соблазнов самоуспокоенности».

Брать интервью у профессионального журналиста – всё равно, что готовить для шеф-повара. С одной стороны – выполняешь свою работу, с другой – учишься. Учишься тому, как подать медийное «блюдо», чтобы его захотелось «съесть», как успешно совмещать работу и жизнь семейную, какими качествами ты должен обладать, чтобы состояться в выбранной профессии… Об этом читателям «МФС» и молодо-зелёному автору данной статьи поведал известный выпускник филологического факультета, первый заместитель генерального директора телекомпании «Волга», телеведущий Александр Резонтов.

– Александр Евгеньевич, Вы – яркий пример человека, состоявшегося в профессии, теоретические знания по которой получали еще в университете. «Где учился, там и пригодился», – если перефразировать известную пословицу. А… где же Вы учились? Каким был филологический факультет середины 80-х – начала 90-х гг. прошлого столетия?

– Он был поначалу не совсем филологический *(улыбается)*. В 1984-85 гг. я был первокурсником истфила, затем в течение двух лет – солдатом советской армии, а с 1987 по 1991 гг. – студентом филологического факультета ГГУ имени Н.И. Лобачевского, обучающимся по специальности «филолог-журналист». Столь необычная контаминация позволила мне в свое время пройти производственную практику и в печатных изданиях, и в почти полевых условиях поиска фольклорных изысков, где я, к слову, оказался единственным мужчиной среди целого автобуса девушек. Тогда подобный расклад меня не столько обрадовал, сколько напугал, и нескольким ребятам-историкам, прибывшим на практику вслед за нами, я был рад неимоверно *(смеется)*. Впрочем, теперь я понимаю, что во многом именно благодаря гендерному преимуществу прекрасного пола на филологическом факультете у меня сохранилось много теплых, трогательных воспоминаний о годах обучения. Так что юношей, обдумывающих житьё и завершающих школьное образование, я призываю с оптимизмом смотреть на своё филологическое будущее. Плюсов в нем для нас, мужчин – студентов, педагогов – несомненно, больше. Говорю это как человек, побывавший по обеим сторонам студенческих баррикад *(улыбается)*.

– Кстати, о «той» стороне. Каково это – быть молодым преподавателем только что открывшейся (в год окончания Вами университета) кафедры журналистики?

– Сложно. Интересно. Комфортно. Последнее – во многом благодаря тогдашней заведующей кафедрой Ирине Васильевне Киреевой, моему любимому педагогу по истории зарубежной журналистики, по чьим стопам я и пошёл в своей трёхлетней

преподавательской практике. Эта женщина приняла на себя в начале 90-х гг. нелёгкий труд руководства кафедрой, специалистов по которой в то время не готовил ни один из вузов Нижнего Новгорода. Учиться, а затем и работать под её началом было большим удовольствием. Несмотря на то, что разница в возрасте со студентами у меня была небольшая, уже на первом году преподавания мне доверили курировать дипломные работы, и однажды один из моих дипломников предложил мне, молодому преподавателю… Нет, не взятку *(улыбается)*. Вести спортивную рубрику на видеоканале «Утренний кофе», куда он проторил себе телепуть чуть ранее.

– Неожиданно. Вы согласились?

– Конечно. К спорту я всегда был (и остаюсь) неравнодушен, да и телевидение довольно-таки быстро увлекло меня в свой водоворот, несмотря на то, что поначалу я видел себя скорее журналистом-печатником. Параллельно с работой в университете я писал статьи в нижегородские издания, и однажды, придя в редакцию газеты «Город и горожане» забирать гонорар, я встретил там Светлану Аркадьевну Колчинскую – будущего основателя первой независимой городской телекомпании «Волга». Оказалось, что она видела мой первый телевизионный опыт, заинтересовалась, и потому мне было предложено принять участие в создании нового телеканала. Как видите, принимаю участие до сих пор *(улыбается)*. Правда, уже не в создании, а в развитии. Увы, с преподаванием из-за нехватки времени пришлось попрощаться.

– Александр Евгеньевич, а какие самые запоминающиеся новости Вам удалось комментировать за Вашу карьеру?

– *(Задумывается)*. Ярких моментов было много, но больше всего запомнились не события, а люди, принимавшие в них участие. В разгар второй чеченской войны я вместе с коллегами-журналистами летал на боевых вертолётах в командировку на Кавказ в сопровождении бойцов спецназа. Один из них снял с себя бронежилет и отдал мне, несмотря на то, что я уже был экипирован. «Быть одетым в бронежилет мало, на нем желательно еще и сидеть: чаще всего нас снизу обстреливают», – объяснил мне свой поступок мужчина. На вопрос «А как же Вы?» – отмахнулся... Знаете, наверное, возможность встречаться с неординарными людьми, как по своим способностям, так и по человеческим качествам – это одно из главных преимуществ моей профессии.

– А какими качествами, на Ваш взгляд, должен обладать телеведущий?

– Мне, если честно, не очень импонирует термин «телеведущий». Еще меньше – пресловутое безжизненное «диктор». Могу с уверенностью сказать, что на «Волге» дикторов нет. Есть профессионалы, которые углубляются в каждый комментируемый ими материал. Честность, обаяние, умение «пробить экран», заслужить доверие аудитории – вот, пожалуй, наиболее показательные качества телеведущего, состоявшегося в своей профессии. Я из личного общения знаю, насколько глубок и по-настоящему убедителен Владимир Владимирович Познер, насколько самобытен журналистский стиль Владимира Соловьёва, но даже с таких мастодонтов отечественной журналистики я бы не советовал слепо копировать всё и сразу. Важно уметь учиться тому лучшему, что есть в ваших коллегах, не теряя при этом собственной индивидуальности.

– Одной из Ваших коллег, насколько нам известно, является Ваша супруга – известная нижегородская телеведущая Ирина Крошкина. Как Вы считаете, исходя из опыта собственной семейной жизни: насколько счастливым может быть союз двух творческих личностей, реализующих себя в одной и той же профессии?

– Мне не хотелось бы обобщать. Считается, что одно ремесло на двоих – достаточно серьёзное испытание для отношений, но в нашем с Ирой случае это надежное плечо дома и на работе, общность интересов и отсутствие необходимости объяснять поздние возвращения. Думаю, что мой ритм жизни человеку с менее напряжённым графиком было бы трудно выдержать. А так мы с супругой, образно выражаясь, дышим одним воздухом, органично совмещая и заботу о семье, и профессиональную деятельность.

– А ваши дети вслед за родителями не выказывали желания пойти по журналистской стезе?

– Старшая дочка Маша нашла себя в сфере информационных технологий, младшенькая, четырехлетняя, очень по-взрослому рассуждая, склоняется пока к другим видам деятельности. А вот двенадцатилетняя Алина уже сейчас пишет для газет Нижнего Новгорода, является главным редактором школьного издания. Не так давно принесла нам газету «Нижегородский рабочий» с напечатанной в ней своей статьей. Папа был очень горд *(улыбается)*.

– Александр Евгеньевич, среди широкой общественности давно бытует мнение, что интернет рано или поздно поглотит другие СМИ, в том числе и телевидение. Насколько справедлив этот прогноз, как Вы считаете?

– Это устойчивый стереотип, не более. На мой взгляд, будущее интернета и телевидения во взаимодополнении, а не в поглощении одних видов масс-медиа другими. В частности, телекомпания «Волга» активно осваивает новые технологии, имеет в интернет-пространстве свой сайт, группы в социальных сетях, однако и количество наших телезрителей меньше не становится. По результатам исследований компании TNS Gallup Media, специализирующейся на рейтингах телевидения и печатной прессы, аудитория телеканала за последний год не только возросла, но и стала более образованной. Казалось бы, это противоречит устоявшемуся общественному мнению, но для меня в результатах исследования нет ничего неожиданного. Технические возможности живого эфира и уровень профессиональной подготовки тележурналистов в разы выше аналогичных ресурсов интернет-порталов.

– А как Вы оцениваете уровень профессиональной подготовки молодых тележурналистов, начинавших в нулевые и в начале десятых годов?

– К сожалению, не слишком высоко. Приблизительно в начале прошлого десятилетия произошла девальвация профессии по причине того, что журналисты почему-то снизили к себе требования: стали реже пропускать доносимую ими до зрителя информацию через душу, небрежнее относиться к собственной речи, к подбору материала. Журналистика 80-х – 90-х гг. 20 века в этом плане была гораздо вдумчивее нынешней, придирчивее к самой себе. Настоящий журналист должен постоянно сомневаться, искать альтернативные точки зрения на уже имеющуюся информацию, не довольствоваться малым. Одной из своих главных задач на телекомпании «Волга» я вижу удержание молодого поколения от подобных соблазнов самоуспокоенности.

– Александр Евгеньевич, а диплом филологического факультета может стать решающим фактором при приёме на работу в телекомпанию «Волга»?

– Отвечу так: к выпускникам своей alma mater я дышу чуть более неровно, чем к другим соискателям. Мне хорошо знаком уровень преподавания на факультете, к тому же и ораторским искусством ребята, как правило, владеют лучше многих. А вот цвет диплома для меня значения не имеет, при блестящих теоретических знаниях необходимыми для телеведущего качествами вы можете и не обладать. Радует, что в последнее время на телекомпанию все больше стало приходить людей с горящими глазами, тех, кто освобожден от иллюзий насчет запредельной зарплаты: им просто интересно то, чем они собираются заниматься, в них играют здоровые профессиональные амбиции. Если среди ваших читателей таковые имеются, я с удовольствием приглашаю их проявить себя на нашем независимом телеканале.

ЮЛИЯ АСТАШКИНА

ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА МАРИНОВА:

«Просвещать… Хорошее слово и занятие».

Мы живем в революционную для русского языка эпоху. Революция – это всегда качественные изменения в существующей системе, а порой и полное её разрушение. Из глубин Интернет-пространства, с экранов телевизоров нам тревожно говорят о том, что мы теряем русский язык: школьники всё хуже и хуже сдают ЕГЭ по русскому, люди практически не читают книги, наблюдается повсеместная безграмотность… Картина совсем не радостная, правда? Мы решили побеседовать о реальном положении дел с человеком, для которого русский язык – профессия и любимое дело всей жизни.

– Елена Вячеславовна, Вы – профессиональный лингвист и, как говорится, держите руку на пульсе, наблюдая за состоянием современного русского языка. Какие тенденции в его развитии кажутся вам наиболее тревожными, а какие, наоборот, радуют?

– Да, действительно, есть и то, и другое. Начну с того, что меня радует заметный интерес к языку со стороны говорящих, интерес к проблемам общения, радует, что формируется неравнодушное отношение к речевой культуре.

В самом языке радует сильное творческое начало, которое проявляется в текстах самых различных жанров. Сейчас очень достойно развивается художественное творчество, и произведения современных писателей тому доказательство, например, творчество нашего великого – я не побоюсь этого слова – земляка Захара Прилепина. Читая его тексты, я не могу примириться с мыслью многих пессимистов о том, что русский язык разрушается, что ему грозит гибель. Напротив, классический русский язык 19 века жив, только наполнился новыми соками. Великолепный язык в романе Евгения Водолазкина «Лавр», в научных и публицистических работах этого автора. Мне нравится язык Алексея Иванова, Бориса Екимова, Алексея Варламова… Этот список можно продолжить…

В электронной речи тоже не всё так плохо. В 80-е годы, когда М.С. Горбачев начал говорить публично без бумажки, т.е. без опоры на текст, лингвисты провозгласили: «Появился Человек Говорящий!». А в 90-е годы, когда в нашу жизнь вошёл интернет, появился Человек Пишущий. Ранее письменная речь не была так востребована, как сейчас. Важно то, что письменная форма языка является прерогативой литературного языка – высшей формы национального языка. Люди каждый день обмениваются огромным количеством сообщений, молодежь проводит часы в соцсетях… Обилие ошибок, конечно, тревожит, но, на мой взгляд, это вопрос времени: я верю, что однажды люди поймут, что рациональнее писать грамотно. Все пишут, и это замечательно! Причем в своих опусах используют творческие возможности языка: сочиняют забавные словечки, обыгрывают

постановку знаков препинания, да и вообще все графические средства оказываются очень востребованными. Языковая личность в последнее время стала гораздо богаче.

Что тревожит? Бытовая сфера общения. Нецензурную лексику я слышу ежедневно. Психолог Н. Козлов в своей книге «Как относиться к себе и людям, или Практическая психология на каждый день» даёт такой совет: «Услышите нецензурную брань – расслабьтесь и просто полюбуйтесь звучанием родной речи». Вот до такого уровня я не могу дойти в отношении этой лексики. Мат – это проявление общей тенденции вульгаризации языка, а значит, происходит огрубление мышления. Какие-то категории становятся более примитивными, исчезают некоторые оттенки восприятия действительности. Например, высшая степень оценки чего-либо у молодежи – «круто», и что за этим стоит – неважно. И таких слов-ярлыков для определения какого-то положительного явления сейчас очень много, в том числе в языке рекламы: «правильное пиво», «революционный цвет твоих волос», «элитные двери» и т.д.

– Еще одна проблема, о которой говорят лингвисты, – это результаты ЕГЭ по русскому языку. Вы признанный эксперт ЕГЭ. На Ваш взгляд, в чём причина того, что школьники сдают ЕГЭ с каждым годом все хуже?
– Это закономерно, и трудно было бы прогнозировать иные результаты. Проблема не в детях – проблема в школе: многие учителя уже с пятого класса сознательно готовят школьников именно к тестам. Получается, что всё богатство родного языка и все возможности речи укладываются в сорок заданий ЕГЭ, которые к тому же составлены непрофессионально. Например, один из вопросов звучит так: «В каком предложении нужно поставить одну запятую?». Этим вопросом нельзя даже знания проверить, не то что развить у детей лингвистическое мышление и пробудить интерес к родному языку. Методически правильно задать этот вопрос так: «Где в этом предложении нужно поставить знак и почему?».

– В декабре этого года в школы вернется итоговое сочинение по литературе. Как Вы считаете, контроль знаний будет более объективным?
– Раньше тема школьного сочинения по литературе давала возможность творческим ребятам раскрыть себя, в письменной форме выразить свои мысли. Сейчас Министерство образования несколько формально подошло к проведению этого испытания. Темы заранее известны, а итоговая оценка – «зачтено» / «не зачтено» – все-таки усредняет высокий полет фантазии с формально написанными работами. Кроме того, в декабре пройдены еще не все темы, не прочитаны некоторые авторы. Я не вижу здесь спасительного решения, хотя сам факт, что сочинение возвращается, я приветствую.

– Мы знаем, что у Вас был школьный опыт *(Прим. ред.: с 1985 по 1990 г. Елена Вячеславовна работала в средней школе № 85 г. Нижнего Новгорода учителем русского языка и литературы)*. Отличается ли так называемое «поколение ЕГЭ» от своих предшественников?
– Я с теплотой вспоминаю своих учеников. У меня был один из любимейших классов, который я вела четыре года (5-9 класс). Мы издавали рукописный журнал «Пиит», куда дети писали свои стихи, рассказы, были даже фантастические повести; вместе мы ставили спектакли, в игровой форме проводили уроки. В общем, моих тогдашних школьников незаинтересованными не назовешь. Что касается олимпиадников, с которыми я работаю,

то в девяностые-нулевые годы мне казалось, что я никогда не смогу увлечь их русским языком: для них имели значение только мода, технические новинки, сериалы. Сейчас дети модно одеты, пользуются разными гаджетами, но у них есть интерес к истории родного языка, к активным процессам в нём, к языку художественной литературы. Поколение изменилось, и я связываю это с тем, что условия жизни семей стали лучше: родители ориентируют детей не только на получение материальных ценностей, но и на духовное развитие. Современные студенты, по сравнению с теми школьниками, которые были до ЕГЭ, не знают половину правил, потому что их натаскивали только на тесты, но зато они мотивированны, знают, что хотят получить от преподавателя – конкретные знания, которые помогут им на профессиональном поприще. Это не может не радовать.

– В начале нашей беседы Вы назвали имена писателей, чей язык Вас как лингвиста радует и даже восхищает. А на кого из журналистов, ведущих, публичных людей стоит ориентироваться как на носителей высокой речевой культуры?

– Стихи нижегородской поэтессы Марины Кулаковой написаны безупречным языком, так же, как и ее журналистские материалы. Хороший стиль, лёгкий язык у нашего выпускника, а сейчас – директора по информационным и общественно-политическим программам НГОТРК «ННТВ» Дмитрия Александровича Анисимова. На «Радио России» хотелось бы отметить Ксению Лепанову. В «Вестях» мне нравятся Владимир Соловьёв, Дмитрий Киселёв, на канале «Культура» – Андрей Максимов, Александр Архангельский, на «Радио Образ» – Валентина Глинина.

– А кто Ваш любимый писатель, так сказать, для души?

– Для души – наверное, А.П. Чехов. Его произведения меня умиротворяют и гармонизируют. Очень люблю творчество В.В. Набокова – я прочитала у него всё, включая «Беседы о русской литературе», «Лекции по зарубежной литературе», пьесы и многое другое. Пушкина очень люблю. Это настоящее отдохновение… Его произведения можно читать с любого места, каждый раз обнаруживая для себя что-то новое. Язык Пушкина – ёмкий, точный, без подробных описаний, но почему это так здорово? Как он это делает? В этом загадка Пушкина для потомков и для меня в том числе. Из современных писателей нравятся Людмила Улицкая и Захар Прилепин. Недавно я написала ему в имейле, что отдельные страницы романа «Обитель», на мой взгляд, войдут в лучшие страницы русской классической литературы. Поэзию я тоже очень люблю, она меня подпитывает. Ближе всего мне поэзия Серебряного века. Из современных авторов читаю и люблю Марину Кулакову, нравятся стихи Дмитрия Ларионова – нашего студента. Его тексты мне чем-то напоминают стилистику Пастернака.

– Когда Вы читаете книги, Вы обращаете внимание на то, как написано, или просто получаете удовольствие?

– Просто получать удовольствие не получается; конечно, обращаю внимание на особенности формы – это я заметила за собой, еще будучи студенткой. Но на самом деле элементы формы, например, композиция романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби», необычные сравнения у того же Захара Прилепина – всё это только усиливает интерес к тексту. Когда я вижу, как это сделано, как работает слово, я получаю дополнительное удовольствие.

– А есть ли у Вас любимое слово в русском языке?
– Есть. Мое любимое слово – «вдохновение» *(улыбается)*.

– С 2008 года Вы ведущая рубрики «Лингвист отвечает» на портале для журналистов «Живое слово». Какие вопросы Вам задавали, был ли определённый контингент интересующихся?
– К сожалению, эта рубрика уже закрыта, но это был любопытный проект. Писали в основном журналисты, причем со всей страны, так что интерес был профессиональный. Вопросы задавали разные: некоторые касались общего устройства языка (например, «Что такое просторечие?»), другие – более узкие (например, склонять или не склонять «Большое Болдино»). Много вопросов было связано с выбором паронимов, с произношением, с ударением. В 2012 году по материалам моих ответов на этом портале вышла книга «Больные вопросы родной грамматики». Сейчас в рамках нового проекта «Грамотный Нижний», который стартовал в мае 2014 года, работает электронная почта «Служба экстренной лингвистической помощи» *(Прим. ред.: gramotnynizhnij@yandex.ru)*. На почту нам приходит примерно по одному письму в день. Социальный портрет авторов этих писем можно охарактеризовать так: это люди не пенсионного возраста, по роду деятельности так или иначе связанные с языком, – журналисты, редакторы, корректоры. Понятно, что образованного, рефлексирующего человека вопросы языка будут интересовать всегда, но нам хотелось бы, чтобы круг заинтересованных людей расширялся не только за счёт тех, кто профессионально связан со словом.

– Кстати о новом проекте. Некоторые наши преподаватели (Д.В. Кобленкова, И.С. Юхнова, Л.Ю. Большухин) и Вы в том числе записали на «Радио Образ» (98 FM) цикл авторских передач. Расскажите, пожалуйста, об этом опыте.
– Всего было записано двадцать десятиминутных передач под общим названием «Поговорим о русском языке»: первая половина – осенью 2013 года, а вторая – весной 2014 года. Темы я выбирала сама, часто исходя из того, о чем меня спрашивали на портале «Живое слово». Первые передачи мне особенно запомнились, потому что они были посвящены мифам о русском языке: мифу о его сложности, мифу о порче русского языка и о том, что орфографические, пунктуационные и другие правила придумываются людьми, а не порождаются самим языком. Отдельный выпуск программы был посвящен благозвучию русской речи, была передача о функциональных стилях, о словах-паразитах… Приятно, что многие слушатели положительно оценили этот проект. На этом моя работа на радио не закончилась: в августе я получила предложение, от которого не смогла отказаться, – быть одним из авторов передачи «С русского на русский» на «Радио России». Сейчас я работаю над сценариями, и мне это очень интересно! Думаю, что в октябре-ноябре уже получится записать первые выпуски.

– Чувствуется, что Вы творческий человек и не ограничиваете себя рамками только преподавательской деятельности. В 2008 году вышло учебно-методическое пособие «Новые слова XXI века: материалы к спецкурсу по неологии», и составлять его Вам помогали студенты. Как родился этот проект? Будет ли продолжение?
– Тогда я вела спецкурс «Проблемы отечественной неологии» для филологов и журналистов – и эту большую команду я смогла заинтересовать, причём мне самой

очень понравилось с ними работать. Студенты очень быстро откликаются на изменения в языке, находят новые слова, да ещё и растолковывают их со вкусом! Но, к сожалению, этот спецкурс убрали из перечня дисциплин. Тем не менее огромный материал для второго словаря есть в электронном виде – его нужно только отредактировать и привести в порядок. Так что если кто-то из добровольцев желает поучаствовать в составлении словаря – я буду только рада!

– Недавно на филфаке был День Грамотности. Этот праздник создан по Вашей инициативе, верно?

– Я всего лишь попросила написать поздравление для студентов, и тут же пошёл отклик! А в перспективе хотелось бы выйти за рамки факультета и привлечь внимание жителей Нижнего Новгорода к родному языку. Одна из идей – флешмоб «Грамотный след»: расклеить по городу следы со словами, в которых часто допускаются ошибки, не обязательно орфографические, а хотя бы пресловутое нижегородское «звОнит». Другая идея – создать аудиотеку с художественными текстами, например, самих же студентов и обеспечить ежедневную трансляцию в городе, чтобы постоянно было звучащее слово. Правительство области нас поддержало, и теперь мы стремимся к тому, чтобы подарить городу какие-то праздники, мероприятия. В частности, планируется проведение на филологическом факультете бесплатных курсов «Готовимся к Тотальному диктанту». Начнутся они в Международный день родного языка – 21 февраля. Есть предварительная договоренность с Максимом Анисимовичем Кронгаузом о том, что он приедет к нам на открытие курсов и проведёт для всех желающих мастер-класс.

– Елена Вячеславовна, сейчас Вы профессор ННГУ имени Лобачевского, эксперт по русскому языку. А кем Вы хотели стать в детстве?

– Я хотела стать учителем. Но моя мама, учитель русского языка, всегда мне говорила: «Ни в коем случае! Посмотри на меня: я вечно в тетрадях!». Тем не менее в детстве я ещё в начальной школе писала на склеенных листочках «учебники» по литературе, русскому языку, словесности: придумывала задания, приклеивала картинки. Меня также увлекали научно-популярные книги о русском языке, по которым моя мама готовилась к урокам. Запомнилась, например, книга «Наш родной язык» Л.А. Введенской и Р.Я. Саакьян. Эта книга была сделана очень занимательно! Я несколько раз её перечитывала. А в пятом классе в букинистическом отделе книжного магазина я купила «Краткий этимологический словарь русского языка», и он стал моей настольной книгой. Увлекательнее его, наверное, были только «Приключения Шерлока Холмса» А. Конан Дойля – я мечтала о том, что тоже смогу бороться с преступностью. Однако филологические склонности победили.

– Но сейчас Вы действительно боретесь с преступностью, только в русском языке.

– *(Улыбается).* С языковой преступностью, да. Хотя я слово «бороться» не очень люблю, мне больше нравится «пропагандировать», «просвещать». «Просвещать»… По-моему, очень хорошее слово и занятие.

АНЯ ПЕТРЯНИНА и ЛЮБА ГРЯЗЕВА

Е.В. МАРИНОВА

Спортивный или не спортивный русский язык?

(День русского языка, 11 апреля 2014 г.)

Русский язык, как и любой другой развитый язык мира, может иметь разные ипостаси. Может быть: *разговорный* русский, *деловой* русский. В последнее время говорят: а не сформировался ли уже *электронный* или *компьютерный* русский, в котором бытуют смс, смайлы и полусмайлы?

А есть ли *спортивный* русский? Или русский язык, скорее, неспортивный? Иными словами, можно ли по языку судить о том, насколько спортивен народ, этнос, который на этом языке говорит? Что такого спортивного – в лексике – оставили нам наши предки?

Назову несколько слов. *Лыжи* – слово известно ещё в древнерусском языке; родственное ему – слово *улизнуть*. *Сани* – слово общеславянского происхождения. В этом же ряду прекрасный деминутив *коньки* с общеславянским корнем *конь*, а если кони настоящие – *верховая езда*. *Мяч* – общеславянское, родственное слову *мягкий*. *Бег, прыжки, плавание* – это тоже всё исконное.

А вот само слово *спорт* – это уже не наше. Можно сказать, что до 19 в. спорта в России не было – в том смысле, что не было такого слова. Говорили – «забавы». Лыжи, сани, коньки – зимние забавы.

Кстати, английское слово *sport* – это усечение от глагола *disport* (усечение с начала слова, по аналогии с *weblog* > *blog*), который в свою очередь восходит к заимствованию из старофранцузского языка. В старофранцузском это слово обозначало развлечение, забаву (обратите внимание, тоже забава!). Но мы всё-таки предпочли *спорт* как более строгое, специальное слово.

В середине 19 в. слово *спорт* бытует как экзотическое (в словаре В.И. Даля его нет), прилагаемое преимущественно к английским условиям, когда речь идёт, например, о скачках. Слово *спорт* в это время поясняется как удовольствие, любовь к лошадям, псовой охоте. Спортсмен же – любитель лошадей, собак, верховой езды.

Примерно так же, то есть как экзотизмы, толковались в популярной тогда «Энциклопедии» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона другие «спортивные» слова: *бейсбол* – «американская игра в мяч», *бокс* – «кулачный бой в Англии», *футбол* – «английская игра в мяч, в который ударяют ногами». Известна дневниковая запись Александра Блока, в которой непривычное иноземное слово *футбол*, по-видимому, модное для того времени (конец 19 – начало 20 вв.) заключено автором в кавычки: *Днём была ещё* [Люба] *на «футболе»*.

Как экзотизмы воспринимались и более поздние заимствования: *гандбол, хоккей*. В конце 20 в. о слове *кёрлинг* в толковых словарях писали как о национальном виде спорта Канады. Аналогично подавались в словарях англицизмы *боулинг, дартс, фрисби*; заимствования из восточных языков: *карате, дзюдо, джиу-джицу, ушу, айкидо, тэквандо* и т.п.

Предпринимались ли попытки заменять иноязычные слова этой тематической группы русскими наименованиями? Конечно. Современник Пушкина, адмирал Шишков

предлагал вместо *кий* говорить *шаротык*; Владимир Иванович Даль ратовал за *ловкосилие* – вместо *гимнастика* (подумайте сами, как же тогда образовать наименование лица – *ловкосил*?). А.П. Чехову не нравилось слово *чемпион* – «возбуждает отвращение» (интересно, чтобы он сказал сейчас, услышав слово *скелетон*?).

В советское время, в период холодной войны – это 60-е гг. 20 века – англицизмы футбольной терминологии *голкипер, хавбек, офсайд, корнер, пенальти, форвард, тайм, хэнндс* были заменены исконными: *вратарь, полузащитник, вне игры, угловой удар, одиннадцатиметровый удар, нападающий, половина игры, игра руками*. Изредка можно было услышать, как вспоминает Л.П. Крысин, *голкипер*, но только в репортажах о зарубежных соревнованиях. Даже слово *репортаж* одно время исчезло из передач о футбольных матчах, вместо этого использовали слово *рассказ*.

В результате этой длящейся веками конкуренции «своего» и «чужого» примерно 20% терминов спорта, являющихся заимствованиями, имеют русские эквиваленты. Тем не менее, эти заимствования остаются в русском языке, поскольку они входят в международный словарный фонд, являются интернациональными.

Больше всего спортивных терминов подарил нам английский язык. На основе английского сейчас формируется и терминология других областей и отраслей – экономической, компьютерной, индустрии моды и других.

По этой причине – преобладания англицизмов среди новых слов, терминов – у нас, носителей русского языка, возникает иногда комплекс неполноценности: что же это мы всё заимствуем, ничего своего нет?

Но это заблуждение, именно комплекс.

Тот, кто хорошо знаком с историей и современным состоянием русского языка – я имею в виду, конечно, филологов и журналистов нашего факультета – прекрасно знает, что у тех, кто владеет русским литературным языком, то есть может читать в подлиннике Толстого, Чехова, Пушкина, Достоевского, Бродского, Пастернака…, – не комплекс неполноценности, а скорее мания величия может развиться, ведь наш язык – это язык великой мировой культуры. Язык Толстого – это очень много! Это очень важно, причём не только для русского человека, но и, например, для образованного, культурного западного человека.

Если же вернуться к заимствованиям, стоит подчеркнуть, что русский язык относится к языкам с умеренной степенью заимствования: в нашей лексике 15% слов иноязычного происхождения. Для сравнения: по данным «Лингвистического энциклопедического словаря», в английском языке – 70-80% корней галльского происхождения; в корейском – 75% корней китайского происхождения.

Ещё один важный момент. Вот эти наши 15% заимствованной лексики – это не из какого-то одного языка (как в английском – из французского, в корейском – из китайского). Наши заимствования МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫ.

У нас есть грецизмы, латинизмы, заимствования из других развитых европейских языков, из многих славянских языков, из тюркских, финно-угорских языков, из японского, корейского, китайского…

Мне кажется, в этом и проявляется наша национальная черта, национальная особенность, о которой ещё Пушкин писал, отмечая «восприимчивость» русского народа к чужой культуре.

Сам язык наш подсказывает нам НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕЮ, которую сейчас так активно ищут современные политики. Это идея взаимодействия народов и культур, дружбы народов, объединения наций, примирения народностей, мирного сосуществования всех при сохранении национального своеобразия.

Все эти идеи есть в нашем языке, в корнях наших слов!

Возвращаясь к теме нашего праздника, вспомним, что Олимпиада в Сочи продемонстрировала все эти идеи – объединение, дружба, мир. Надеюсь, что иностранные спортсмены и болельщики смогли лучше узнать русский дух, смогли чуть-чуть приблизиться к загадке русского характера.

Помните, как один из героев Достоевского сетовал: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил»?

Не получится! Нам наш язык не позволит.

БЛИЦ-ОПРОС

Всегда улыбчивы и очаровательны… Хорошее настроение и чувство юмора – их неизменные спутники. Они знают секреты красоты и отличной физической формы. Студенты с удовольствием ходят на их пары и ловят каждое их слово, ведь они могут научить русскому языку любого: будь то русский студент, а будь то иностранец. В этом номере самые обаятельные и привлекательные представительницы кафедры преподавания русского языка в других языковых средах – Елена Валерьевна Анисимова, Елена Робертовна Переслегина, Анастасия Васильевна Синелёва *и* Лариса Всеволодовна Грехнёва – *расскажут вам о своих увлечениях, желаниях, предпочтениях и даже о том, кто спасет мир.*

* * *

1. ВАШ РЕЦЕПТ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ.

Елена Валерьевна Анисимова: Спортзал.

Елена Робертовна Переслегина: Я так устроена, что редко бываю в по-настоящему хорошем настроении, поэтому тяжело давать рецепты, но меня всегда заводит оптимизм моего ребёнка и общение с близкими людьми. Улыбаться, потому что солнце светит или потому что платьишко новое, – не моё. Обычно мне надо больше.

Анастасия Васильевна Синелёва: Рецепта нет. У меня хорошее настроение, когда светит солнышко, а ночью – много звёзд, когда летают самолёты и оставляют на небе белые полоски, когда я что-то сделала полезное для себя (например, сходила в тренажёрный зал) или для общества, когда закончила какую-то нудную работу. Но при этом всегда должно быть ещё что-то, внутренний драйв, что ли, или хотя бы перспектива чего-то подобного.

Лариса Всеволодовна Грехнёва: Хорошая книга, хороший фильм, а иногда достаточно просто солнца за окном.

* * *

2. ПОЭЗИЯ ИЛИ ПРОЗА? ВАШ ЛЮБИМЫЙ ПОЭТ / ПИСАТЕЛЬ.

Елена Валерьевна Анисимова: Проза. Милорад Павич.

Елена Робертовна Переслегина: Поэзия. Или проза, если она изнутри поэтична. Поэтому Маяковский и Бунин.

Анастасия Васильевна Синелёва: Проза. Мой любимый поэт – А.С. Пушкин, очень люблю поэзию И.А. Бунина. Любимых писателей много, но чаще всего перечитываю М.А. Булгакова (кроме «Мастер и Маргарита»), С. Моэма, Джерома К. Джерома, О. Генри, И. Шоу, Тэффи, В. Войновича. А ещё я очень люблю детективы: А. Кристи (Пуаро обожаю), Р. Стаута (у меня живут три орхидеи), Ж. Сименона, Э. Гарднера, И. Хмелевскую, Б. Акунина, А. Маринину.

Лариса Всеволодовна Грехнёва: Больше люблю прозу, близки Достоевский, Набоков. Из поэзии – люблю Ахматову. Вообще, предпочитаю душевную классику.

* * *

3. ВАШ ИДЕАЛ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ (АКТЁРЫ, ПЕВЦЫ, ПУБЛИЧНЫЕ ЛЮДИ И Т.Д.)

Елена Валерьевна Анисимова: Пожалуй, не красоты – личного обаяния: Кевин Костнер, Мэрил Стрип.

Елена Робертовна Переслегина: Не люблю понятие «идеал» и стараюсь избегать людей, близких к идеалу. Мне нравится, когда в человеке что-нибудь «сломано», не идеально. Поэтому Илья Лагутенко и Кира Найтли, пожалуй.

Анастасия Васильевна Синелёва: Мне вообще нравятся красивые люди. Идеал мужской красоты среди соотечественников найти непросто – должен быть комплекс, а это редкость, хотя симпатичных много – за счёт внутреннего содержания. Я не оригинальна, наверное, но очень красивый – А. Домогаров. Из иностранных актеров, певцов: К. Ферт, Р. Чемберлен, Р. Мартин. Красивых женщин много, даже трудно выбрать: О. Хепберн, М. Пфайфер, М. Белуччи, А. Джоли, И. Печерникова, А. Вертинская. Сейчас очень много красивых молодых актрис, но они мне кажутся слишком простыми. В нашей стране намного больше, чем в других странах, красивых женщин – когда куда-то езжу, ревностно наблюдаю.

Лариса Всеволодовна Грехнёва: Идеала нет – «не сотвори себе кумира», но всегда приятно смотреть на красивых людей. Предпочитаю классический тип внешней красоты: правильные черты лица. Например, Одри Хепбёрн, Катрин Денёв, Николь Кидман, Ален Делон, Пирс Броснан, Джордж Клуни.

* * *

4. КАКИМИ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМИ ВЫ ВЛАДЕЕТЕ? КАКОЙ ХОТЕЛИ БЫ ВЫУЧИТЬ И ЗАЧЕМ?

Елена Валерьевна Анисимова: Английский. Выучить? Испанский, пожалуй. Просто так, без причины.

Елена Робертовна Переслегина: Когда-то неплохо французский знала. Сейчас, к сожалению, нет возможности практиковаться, поэтому много растеряла, но уверена, что, как только
попаду в среду, быстро восстановлюсь.

Анастасия Васильевна Синелёва: Французским. Польским – из вредности (чтобы не учить английский).

Лариса Всеволодовна Грехнёва: Владею английским (не в совершенстве, к сожалению). Хотелось бы выучить французский – люблю, как звучит французская речь.

* * *

5. А ЕСЛИ НЕ ФИЛОЛОГИЯ, ТО ЧТО? КЕМ ХОТЕЛИ СТАТЬ В ДЕТСТВЕ?

Елена Валерьевна Анисимова: Тогда биология. Но в детстве хотела стать царевной. :)

Елена Робертовна Переслегина: Если не филолог, то психоаналитик, наверное, хотя в детстве мечтала стать доктором Айболитом – ветеринаром, стало быть.

Анастасия Васильевна Синелёва: Точно не медицина. Наверно, биология или экология. В детстве хотела стать моряком (двоюродный дядя поразил воображение формой с золотыми якорьками), потом геологом – расхотела, когда увидела их рюкзаки размером с двухэтажный дом (даже у женщин) и поняла, что романтика весьма относительна, что в степи нет душа, да и вообще ничего нет, кроме насекомых, змей и полезных ископаемых – в лучшем случае.

Лариса Всеволодовна Грехнёва: В раннем детстве был стандартный набор будущих профессий – воспитатель, учитель, ветеринар… В старших классах серьёзно хотела стать врачом, но, видимо, сыграли гены.

* * *

6. ЧТО / КТО СПАСЁТ МИР?

Елена Валерьевна Анисимова: Доброта и понимание.

Елена Робертовна Переслегина: Мир спасет человеческая совесть. И любовь.

Анастасия Васильевна Синелёва: Умные, добрые, честные, красивые люди. Если такие существуют в необходимом количестве.

Лариса Всеволодовна Грехнёва: Неравнодушие.

* * *

7. ЗА ЧТО ВЫ СЕБЯ РУГАЕТЕ?

Елена Валерьевна Анисимова: За малодушие.

Елена Робертовна Переслегина: Ругаю себя за патологическое неумение контролировать негативные эмоции и сдерживать обиду.

Анастасия Васильевна Синелёва: За вспыльчивость.

Лариса Всеволодовна Грехнёва: Много за что, прежде всего за лень.

* * *

8. САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ / НЕОЖИДАННЫЙ / ОРИГИНАЛЬНЫЙ КОМПЛИМЕНТ, КОТОРЫЙ ВАМ ДЕЛАЛИ.

Елена Валерьевна Анисимова: Вообще-то это платье дрянь, но на тебе так хорошо смотрится…

Елена Робертовна Переслегина: Комплименты редко бывают оригинальными. Часто называют язвой. Считаю это комплиментом. :)

Анастасия Васильевна Синелёва: Я читала лекцию по математике и информатике: структура знака естественного и искусственного языка, классификации, нечёткие множества и пр., в общем, вся в науке. Курс был интересующийся, и ко мне подошли девочки с разными вопросами, а одна говорит: «Анастасия Васильевна, Вы сегодня похожи на Снегурочку». Я: «Почему на Снегурочку?!» Девочка: «А у Вас даже ресницы инеем покрыты». Ну, я и вспомнила. У меня была двойная бело-черная тушь, я белой кисточкой накрасилась, и зазвонил телефон, а потом я начала опаздывать на работу и забыла, конечно, про вторую кисточку. Вот и пришла Снегурочкой. Читать лекцию. По математике.

Лариса Всеволодовна Грехнёва: Интересный не припомню, а вот самый приятный – это из уст дочери: «Ты самая хорошая мама!». Ещё, конечно, всегда льстят комплименты студентов после удачной лекции.

* * *

9. ЕСТЬ ЛИ У ВАС ДОМАШНИЕ ЛЮБИМЦЫ? ЕСЛИ ДА, ТО КТО?

Елена Валерьевна Анисимова: Четыре красноухие черепашки: Черри, Мальчик, Фаня и Ульяна Ильинична.

Елена Робертовна Переслегина: Если имеются в виду животные, то нет. Когда-то была собака. Очень тяжело пережила ее смерть. Думаю, что больше никогда никого не заведу.

Анастасия Васильевна Синелёва: Да! Персидская кошка (черепаховой расцветки) Беатриса, для друзей – Бася, красотка необыкновенная – кошачий вариант М. Пфайфер, но, к сожалению, она считает, что мир и люди существуют для неё, со всеми последствиями: корми меня немедленно, вон кресло свободное – там и спи и т.д.

Лариса Всеволодовна Грехнёва: На семейном попечении имеем кошку Фаню и хомяка Степу.

* * *

10. КУЛЬТУРА КАКОЙ СТРАНЫ ВАМ НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНА И ПОЧЕМУ?

Елена Валерьевна Анисимова: Культура Индии – яркость красок, нестандартная эстетика, философия.

Елена Робертовна Переслегина: Другие страны – вот то немногое, что меня по-настоящему привлекает. Наиболее интересной кажется страна, в которой ещё не была. Хотя на восток, например, совсем не тянет.

Анастасия Васильевна Синелёва: Культура Франции (нравится язык, самое большое количество книг французских авторов, прочитанных в детстве и в юности), Италии (люблю живопись и скульптуру), Греции (мифы и древняя демократия).

Лариса Всеволодовна Грехнёва: Конечно, в первую очередь, это русская культура: свое всегда близко и интересно. Из иноземных – интересно многое, особенно в Европе – Италия, Франция и т.д.

* * *

11. ЕСТЬ ЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ, КОТОРЫЙ ПОХОЖ НА ВАС, С КОТОРЫМ ВЫ СЕБЯ ИНОГДА АССОЦИИРУЕТЕ?

Елена Валерьевна Анисимова: Нет, пожалуй, и не было никогда. :)

Елена Робертовна Переслегина: Как-то не ассоциирую себя обычно с литературными героями, но, наверное, что-нибудь типа Анны Карениной мне бы подошло.

Анастасия Васильевна Синелёва: Есть. А. Каменская – по характеру в какой-то степени и по стилю работы.

Лариса Всеволодовна Грехнёва: Сама себя ни с кем не ассоциирую, но в ранней молодости часто называли «тургеневской девушкой».

* * *

12. ПРОДОЛЖИТЕ ФРАЗУ: «В ЭТО ТРУДНО ПОВЕРИТЬ, НО Я…»

Елена Валерьевна Анисимова: Можете поверить, что я так не говорю? :) Ну, что поделать, попробую: «В это трудно поверить, но я до сих пор верю в чудо!»

Елена Робертовна Переслегина: В это трудно поверить, но мне 38. :)

Анастасия Васильевна Синелёва: … но я человек, склонный к авантюрным поступкам (кроме бизнеса и денег).

Лариса Всеволодовна Грехнёва: … но я очень жизнерадостный человек.

* * *

13. КУДА БЫ ВЫ ОТПРАВИЛИСЬ НА МАШИНЕ ВРЕМЕНИ? В БУДУЩЕЕ ИЛИ В ПРОШЛОЕ? В КАКУЮ ЭПОХУ?

Елена Валерьевна Анисимова: В прошлое, в Иерусалим. До Пилата не допустят, но выяснить, был ли Иисус, хотелось бы.

Елена Робертовна Переслегина: Машина времени? Я бы не хотела, пожалуй, в ней оказаться. Хотя в пару моментов из своего прошлого я бы вернулась.

Анастасия Васильевна Синелёва: В будущее боюсь. Наверное, придется ехать в прошлое. Могу отправиться в разные эпохи, но все зависит от социального статуса, в котором я там окажусь. А еще лучше – человеком-невидимкой.

Лариса Всеволодовна Грехнёва: Никогда не мечтала о машине времени – довольствуюсь настоящим. Но если выбирать, наверное, прошлое, например, век 19-ый.

* * *

14. ДАЙТЕ АЛЬТЕРНАТИВНУЮ РАСШИФРОВКУ АББРЕВИАТУРЕ МАПРЯЛ (НАПРИМЕР, МЫ АКТИВНО ПРЕПОДАЁМ РУССКИЙ ЯЗЫК ЛЕНТЯЯМ)

Елена Валерьевна Анисимова: Металлический Ангар для Полноприводных Реактивных Ядерных Лопат. :)

Елена Робертовна Переслегина: Массовая Атака Профанов на Русский Язык и Литературу. :)

Анастасия Васильевна Синелёва: Много Адептов Преподавателей Русский Язык Любят.

Лариса Всеволодовна Грехнёва: Мы активно поощряем развитие языковой личности (пафосное). Мы азартно преподаем русский язык лоботрясам (жизненное). И рекламное: можем артистично преподать русский язык любому.

ФилАФОРИЗМЫ

Списано с полей студенческих тетрадей. Посвящается нашим уважаемым преподавателям, за которыми мы конспектируем не только лекции.

А.В. Коровашко: «Когда мы произносим слово «поэт», нам кажется, что поэт – существо, более приближенное к литературе. Он кудрявый, светловолосый, неумолимо напоминает Сергея Безрукова, то одной, то другой щекой норовит прижаться к березке, через плечо у него свисает гармошка. Он постоянно пьян и пристает к девушкам, предлагая им почитать стихи. А вот прозаик – это Лев Николаевич Толстой: бородатый, скучный, нечёсаный… Сидящий за письменным столом, грызущий гусиное перо и строчащий очередной том «Войны и мира». Прекрасный пол, конечно, любит поэтов. Если спросить вас, кто вам больше нравится внешне: Лев Толстой на смертном одре или Сергей Есенин верхом на березке, девушки обязательно скажут, что обожают Сергея Есенина».

С.В. Белковский: «Зачем журналисту свобода слова, если ему нечего сказать?»

Е.Е. Прощин: «Вы пишете, что лирический герой стихотворения Пушкина любил девушку высокой и светлой любовью. Но высокие и светлые – это скандинавы, а не любовь».

В.Г. Новикова: «Не только французские экзистенциалисты потеряли смысл жизни – все его потеряли и ищут, чтобы найти».

А.В. Коровашко: «Вы уже поступили, вам уже ничего не поможет».

Т.Б. Радбиль: «Вот и думайте, какие условия жизни могут привести к сорока падежам…»

Л.С. Макарова: «Выражаясь дипломатично и по-восточному, всем будет большой кирдык».

Н.М. Фортунатов: «Я вам, уважаемые студенты, даже немножко завидую. Я дочитал все произведения Фёдора Михайловича Достоевского, а вы ещё нет».

* * *